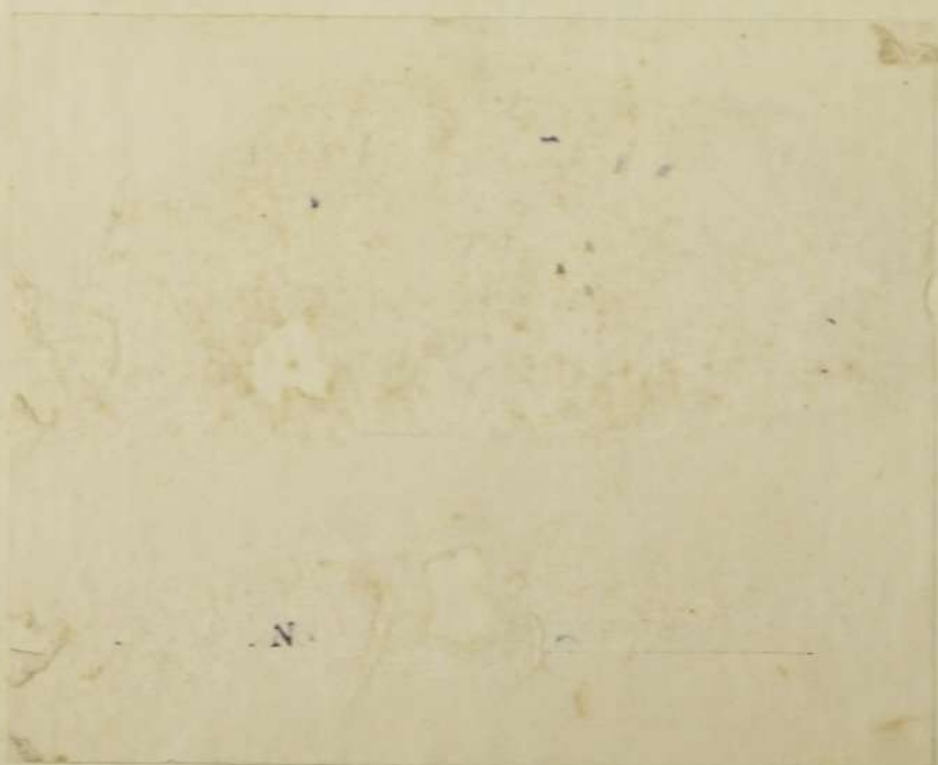

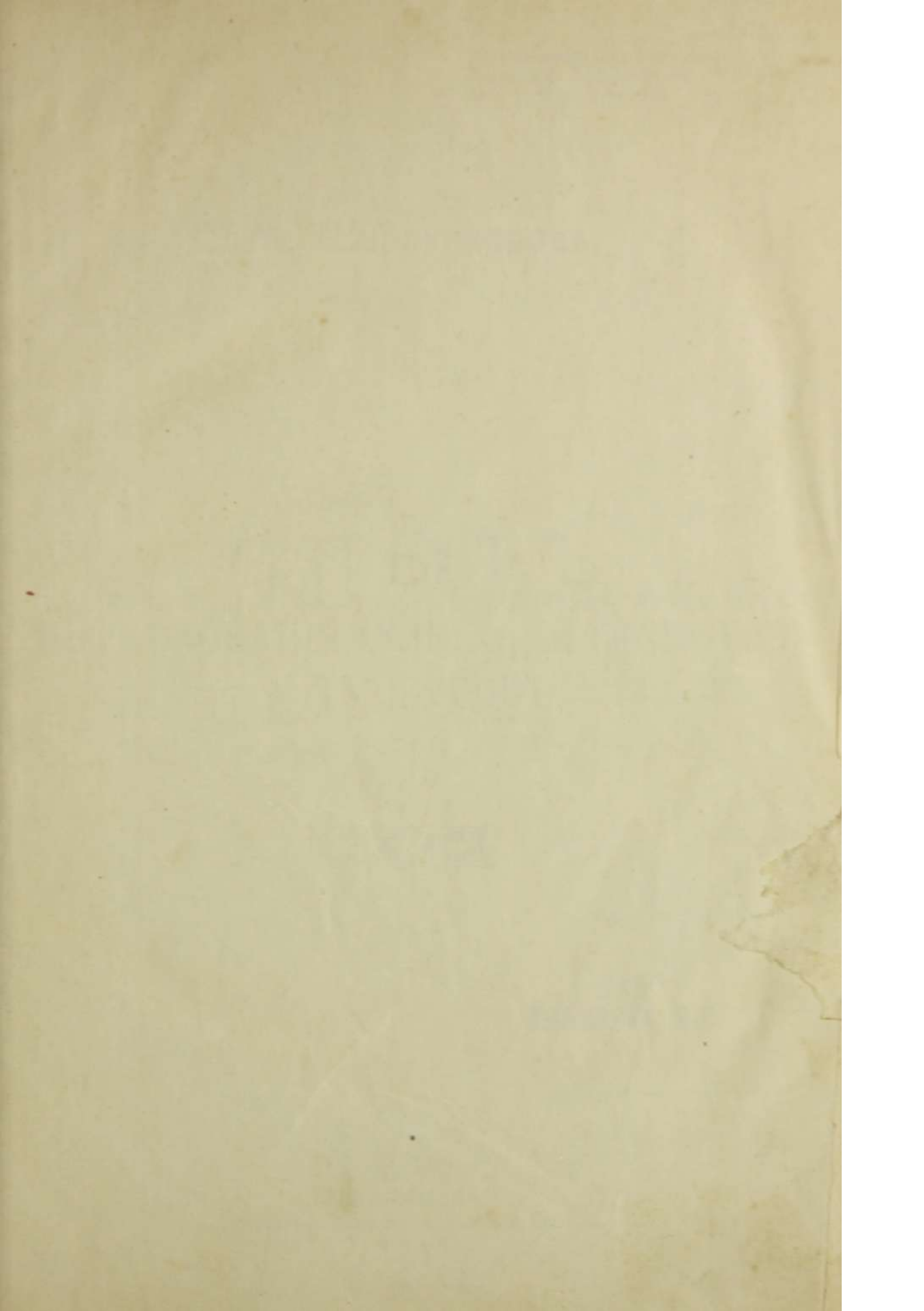
ESSAY OF AN
INVESTIGATION
INTO THE PRE-
-PEOPLES OF
SHAMANISM
AMONG THE
TUNGUS

SHIROKOGORO-
FF

572
S55es

N.

63.521(=65)

Ш 64

Отдѣльный оттискъ изъ „Ученыхъ
Записокъ Истор.-Филолог. Факультета
во Владивостокѣ“ I т. I отд.

С. М. Широкогоровъ.

S. M. Shirokogoroff

Essay

Shamanism

О П Ы Т Ъ

an investigation into the principles of shamanism
ИЗСЛѢДОВАНІЯ ОСНОВЪ ШАМАНСТВА

У ТУНГУСОВЪ.

amongst the Tungus

Этнографія

ДАР
ПОЛЕВОГО Л.С.

Vladivostok

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Типографія Областной Земской Управы.

1919.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР

Г. ИРКУТСК

83977

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

С. М. Широкогоровъ.

О П Ы Т Ъ

изслѣдованія основъ шаманства
у тунгусовъ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Типографія Областной Земской Управы.

1919.

J. C. M. (mirrored bleed-through)

OLIVIER (mirrored bleed-through)

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF TORONTO (mirrored bleed-through)

1870 (mirrored bleed-through)

1870 (faint bleed-through)

1870 (faint bleed-through)

Предисловіе.

Настоящій „Опытъ“ въ основныхъ своихъ чертахъ былъ мною задуманъ по окончаніи изслѣдованій въ Забайкальѣ, въ Амурской области и въ Сѣверной Манджуріи, включая въ послѣднюю Хулунбуирскій округъ Монголіи. Чѣмъ болѣе расширялись мои наблюденія въ области шаманства, религіи и общаго міросозерцанія, чѣмъ больше параллелей получалось мною на различныхъ тунгусскихъ народностяхъ, тѣмъ яснѣе становилось, что шаманство тунгусовъ нельзя разсматривать какъ *религію*, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ становилось очевиднымъ и то, что шамановъ нельзя разсматривать, какъ фокусниковъ и плутовъ или какъ нервнобоныхъ людей, порождающихъ въ болѣзненномъ состояніи свое ученіе. Шаманство, въ той формѣ, какъ это наблюдается теперь, судя по нѣкоторымъ даннымъ, отнюдь не является древнѣйшимъ явленіемъ и у нѣкоторыхъ тунгусовъ, по утверженію ихъ самихъ, оно съ трудомъ насчитываетъ 2—3 столѣтія. Нѣсколько старше шаманство, видимо, у манджуровъ, но едва ли приходится особенно старить его, такъ какъ оно носитъ на себѣ слишкомъ много чертъ заимствованія и современности, а самими манджурами начало его относится ко времени Минской Династіи (XIV—XVII в.в.) въ Китаѣ. Наконецъ, рядъ данныхъ указываетъ на то, что у монголовъ шаманство существовало еще во времена Чингизъ-хана и уже тогда ламаизмъ началъ съ нимъ борьбу, которая теперь заканчивается не въ пользу шаманства. Въ наиболѣе развитомъ видѣ шаманство встрѣчается у тунгусскихъ народностей, гдѣ оно нынѣ наблюдается въ полномъ своемъ расцвѣтѣ. Значительное разнообразіе системъ шаманства у тунгусовъ, неустойчивость формъ его, распространенность и всеобщее признаніе говорятъ за то, что это явленіе сравнительно молодо и находится въ состояніи бурнаго развитія.

Имѣющіяся у меня собственныя наблюденія по шаманству тунгусовъ вообще, а въ частности манджуровъ настолько велики, что исчерпывающая обработка и изданіе ихъ въ настоящее время невозможны; препятствіемъ къ этому служатъ также и отсутствіе подъ руками необходимыхъ книгъ.

Для настоящаго „Опыта“ я воспользовался лишь частью, и притомъ менѣе значительной, наблюденій, произведенныхъ мною въ 1912—1917 г.г., во время посѣщеній мною тунгусскихъ народностей, включая сюда, какъ это принято, и манджуровъ. Изъ числа основныхъ вопросовъ шаманства я первоначально предполагалъ коснуться лишь одного, а именно вопроса о значеніи шаманства для рода, но при выполненіи этой задачи оказалось необходимымъ попутно обратиться и къ другимъ основнымъ вопросамъ шаманства и такимъ образомъ ранѣе предполагавшуюся статью развить въ нѣчто болѣе обширное, чему я далъ громкое названіе: „*Опыта изслѣдованія основъ шаманства у тунгусовъ.*“ Настоящій „Опытъ“ не претендуетъ на то, чтобы быть законченнымъ изслѣдованіемъ шаманства тунгусовъ, вопроса крайне сложнаго и до сихъ поръ еще недостаточно освѣщеннаго изслѣдованіями. Наблюденіе шаманства отъ изслѣдователя требуетъ прежде всего знанія языка изслѣдуемой народности, безъ чего наблюденія могутъ быть только частичными и къ тому же плохо истолкованными переводчиками. Число изслѣдователей, знающихъ тунгусскій языкъ, настолько ограничено, что возлагать надежды на дополнительные наблюденія въ ближайшее время, особенно въ условіяхъ современнаго положенія науки, едва ли основательно. Между тѣмъ рядъ основныхъ вопросовъ, какъ кажется мнѣ, возможно возбудить уже теперь и это быть можетъ послужить толчкомъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, а критика «Опыта» облегчитъ мой трудъ по обработкѣ уже имѣющихся у меня наблюденій.

Пользованіе только тѣми немногочисленными изданіями и трудами, которые имѣются здѣсь, неминуемо привело бы меня къ неизбѣжнымъ погрѣшностямъ и пропускамъ, во избѣжаніе чего, я совершенно отказался отъ использованія имѣющейся литературы, быть можетъ лишивъ тѣмъ самымъ предлагаемый «Опытъ» обычной для подобныхъ работъ системы изложенія предмета.

Отсутствіе книгъ мнѣ не позволило также сдѣлать необходимые параллели и распространить нѣкоторые выводы за предѣлы тунгусскихъ народностей; между тѣмъ большая часть вопросовъ, которыхъ касается «Опытъ», конечно, имѣетъ болѣе общее значеніе и положенія, изложенныя въ заключеніи, вѣроятно, найдутъ себѣ приложеніе и по отношенію къ другимъ народностямъ. Развитіе нѣкоторыхъ сто

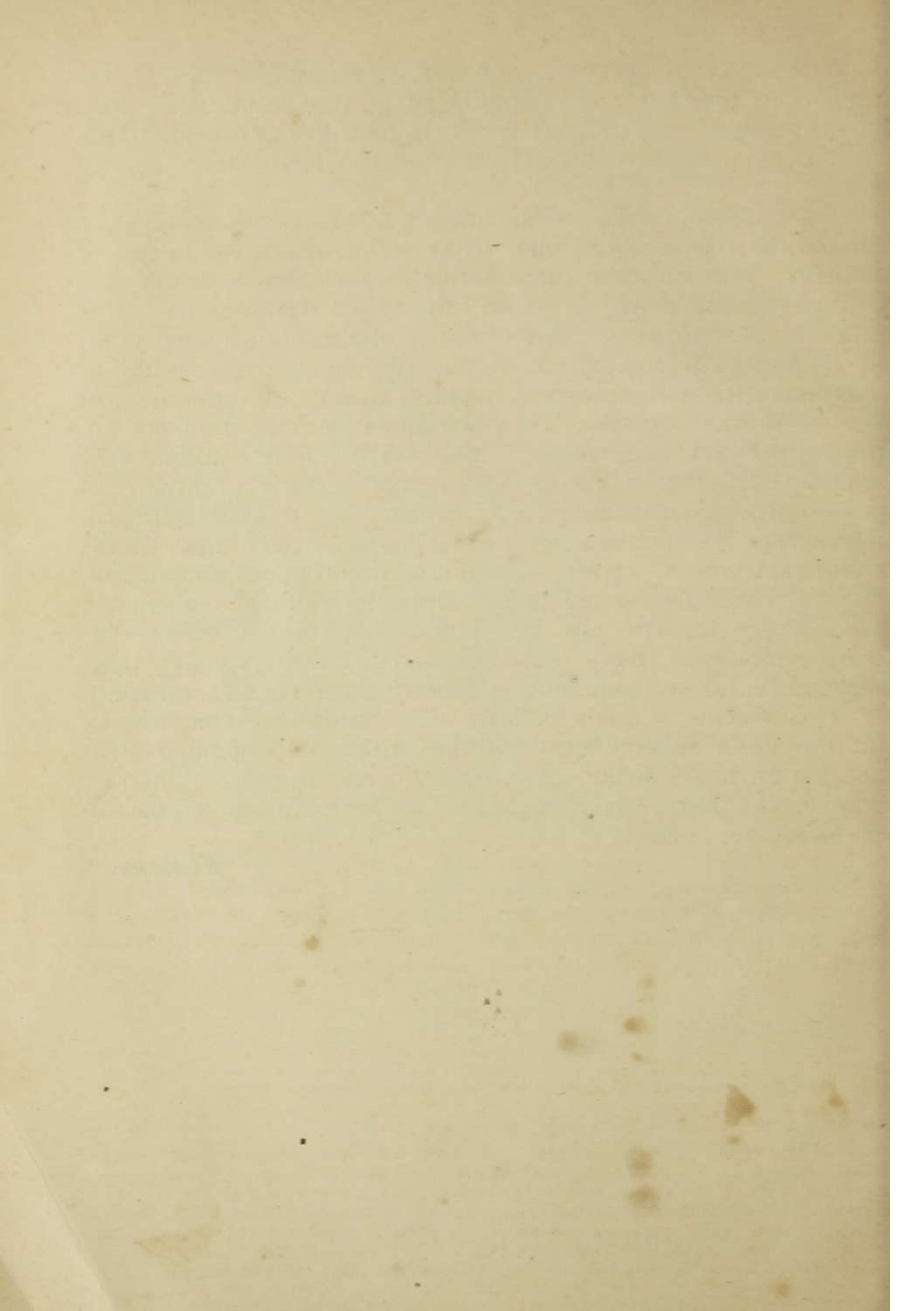
ронъ шаманства за счетъ другихъ, расширение сферы дѣятельности шамана за предѣлы рода или замѣщеніе рода определенной территоріей и другія частныя отличія, вѣроятно, будутъ характеризовать шаманство другихъ народностей.

Въ дальнѣйшемъ мною предположено обратиться къ обработкѣ и опубликованію *всѣхъ* собранныхъ мною лично данныхъ, касающихся шаманства у тунгусовъ и особо шаманства манджуровъ, а также при свѣтѣ намѣченныхъ положеній разсмотрѣть шаманство и аналогичныя ему явленія у другихъ народностей, чтобы, по корректированіи полученныхъ на тунгусскомъ матеріалѣ выводовъ, сдѣлать эти выводы болѣе общими. Эта послѣдняя заключительная работа потребуетъ спеціальнаго анализа близкихъ шаманству явленій, свойственныхъ другимъ народностямъ, и болѣе обоснованнаго развитія вопросовъ психологіи и психопатологіи шаманства. Въ настоящемъ же „Опытѣ“, преслѣдуя болѣе скромную цѣль, я ограничился лишь нѣкоторыми вопросами, опуская совершенно вопросы второстепеннаго значенія, а также и все то, что при вынужденно краткомъ, схематическомъ изложеніи, безъ необходимыхъ литературныхъ подтвержденій, по несовершенству своему окажется внѣ критики.

Техническія условія работы и изданія, къ сожалѣнію, лишили меня возможности болѣе тщательно прокорректировать и отдѣлать внѣшнюю сторону предлагаемаго „Опыта“, а также снабдить его нѣкоторыми иллюстраціями и пояснительными чертежами.

Авторъ.

Г. Владивостокъ.
Октябрь 1919 г.

І. В в е д е н і е.

Терминъ *шаманъ* заимствованъ отъ *саман* тунгусскихъ языковъ.¹⁾

Среди большинства тунгусскихъ народностей этотъ терминъ употребляется въ одномъ, всѣмъ извѣстномъ, смыслѣ и только у манджуровъ онъ, наряду съ обычнымъ значеніемъ, служитъ также для опредѣленія лицъ, исполняющихъ обязанности родовыхъ жрецовъ, въ которыхъ духи не входятъ и которые распорядителями этихъ духовъ не являются.

Идея шамановъ вполне мирится съ любой системой вѣрованій въ духовъ, такъ какъ для возможности существованія ея необходима только вѣра въ то, что есть люди, способные воспринимать, вселять въ себя произвольно духовъ, входящихъ черезъ такое посредство въ особое общеніе съ людьми. Поэтому идея шамановъ и шаманства подъ разными названіями и формами можетъ получить признаніе и распространеніе среди самыхъ различныхъ въ культурномъ отношеніи народностей. Въ развитіи идеи шамановъ и шаманства можно наблюдать различныя стадіи и формы и нѣкоторыя явленія, напри- мѣръ, въ русскомъ сектанствѣ, въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ религіозныхъ мистическихъ теченіяхъ, должны разсматриваться, какъ результатъ развитія чисто шаманистскихъ идей.

Чтобы ограничить понятіе шаманъ и шаманство, я позволю себѣ ввести въ это понятіе, какъ ограниченіе, слѣдующій признакъ, а именно: 1) всеобщее признаніе шамановъ таковыми и усвоеніе ими особаго соціального положенія и 2) наличность установленнаго ритуала дѣйствій, костюма и другихъ принадлежностей.²⁾

Какъ только идея шаманства получаетъ признаніе даннымъ народомъ, задачей послѣдняго дѣлается примиреніе новой идеи съ другими идеями, получившими уже признаніе ранѣе. Поэтому и шаманство и комплексъ имѣвшихся ранѣе идей взаимно приспособляются другъ къ другу, а такъ какъ шаманство въ основѣ своей имѣетъ признаніе духовъ, могущихъ вселяться въ шамана, то обогащеніе списка уже извѣстныхъ духовъ есть естественный процессъ развитія шаманства и всюду, гдѣ оно есть, можно наблюдать заимствованія отдѣльныхъ духовъ, даже цѣлыхъ группъ ихъ и обогащеніе ими уже имѣющихся системъ духовъ. Поэтому шаманскія системы духовъ, на-

¹⁾ Кромъ этого въ тунгусскихъ языкахъ имѣется еще рядъ другихъ терминовъ; въ другихъ языкахъ терминъ шаманъ, саманъ неизвѣстенъ. Такъ какъ выясненіе происхожденія термина *саман* тунгусскихъ языковъ не входитъ въ настоящую мою задачу, я ограничусь только замѣчаніемъ, что этотъ терминъ, вѣроятно, не тунгусскаго происхожденія.

²⁾ У нѣкоторыхъ народностей шаманскій костюмъ въ настоящее время утерянъ, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ преслѣдованія со стороны или государственнхъ властей или представителей господствующихъ религій, какъ христіанство, ламаизмъ, конфуціанство. Такъ, напри- мѣръ, въ настоящее время манджуры шаманскій костюмъ теряютъ, а буряты его частью уже утеряли. Замѣчу, что отсутствіе шаманскаго костюма, влѣдетвіе недавней утери, конечно, не можетъ служить основаніемъ къ отказу признать наличіе шамановъ.

ходящіяся подъ вліяніемъ буддизма, даосизма, христіанства и др. релігій, подвержены измѣненіямъ, а по мѣрѣ движенія времени, взаимнаго знакомства народовъ другъ съ другомъ и изученія этнографіи число *известныхъ* системъ непрерывно возрастаетъ.

Званіе духовъ для шамановъ и шаманистовъ, т. е. людей вѣрящихъ въ шамановъ, также важно, какъ можетъ быть важно, на примѣръ, для врача званіе всѣхъ существующихъ болѣзней, такъ какъ званіе духовъ даетъ возможность шаману вести съ ними борьбу или направлять ихъ энергію въ желательную для себя и своихъ кліентовъ сторону. Вслѣдствіе этого, распространеніе познаній о духахъ происходитъ особенно интенсивно и на духовъ можетъ существовать, какъ это наблюдается, быстропроходящая мода.

Вслѣдствіе этого системы духовъ не могутъ обладать той устойчивостью, какою обладаютъ, на примѣръ, представленія о специальныхъ духахъ предковъ, представленія, къ которымъ другіе народы новаго могутъ мало прибавить. Системы духовъ могутъ слагаться изъ различныхъ элементовъ и быть весьма разнообразными, детальное же изученіе самихъ системъ для этнографа представляетъ тотъ интересъ, какой можетъ представлять изученіе сложныхъ комплексовъ этнографическихъ явленій, особенно въ ихъ географическомъ распространеніи. У шаманства же въ зависимости отъ системъ духовъ, принятыхъ у различныхъ народностей, остаются общими лишь два указанныхъ момента, которые и образуютъ шаманство, какъ этнографическое явленіе.

Подъ шаманствомъ, такимъ образомъ, я не буду повимать міросозерцаніе народа, вѣрованія его въ дѣломъ, представленіе о мірѣ и т. под., такъ какъ оно можетъ мириться почти съ любымъ міросозерцаніемъ, любыми вѣрованіями и культомъ, если таковые въ сознаніи народа уживаются съ основными положеніями шаманства, — вѣрой въ духовъ, входящихъ въ челоуѣка и особихъ людей, могущихъ произвольно ихъ вселять въ себя, признаніемъ за такими людьми особаго соціального положенія, наличностью установленныхъ ритуальныхъ костюма и другихъ принадлежностей шаманскаго дѣйствія¹⁾.

Тѣмъ не менѣе при изложеніи теоріи и практики шаманства у отдѣльныхъ народовъ міросозерцаніе народа нельзя обойти молчаніемъ, такъ какъ примиреніе шаманства съ общимъ міросозерцаніемъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ созданіи шаманской системы и обходить его молчаніемъ невозможно. Поэтому при изложеніи мнѣ придется обращаться и къ вопросамъ міросозерцанія.

Каковы же задачи шамана? Шаманъ стремится направить дѣятельность духовъ, находящихся въ его распоряженіи въ сторону желательную для себя и людей, обращающихся къ нему за помощью. Пользуясь подчиненными ему духами, шаманъ входитъ въ сношенія съ духами ему неподчиненными и то ведетъ съ ними борьбу, то стремится сдѣлать ихъ своимъ орудіемъ и даже помощниками въ своемъ дѣлѣ. Духи, причиняющіе людямъ заболѣванія, мѣшающіе успѣшному охотничьему промыслу, препятствующіе душамъ покойни-

¹⁾ Ритуаль, костюмъ и т. п. могутъ, конечно, тоже быстро измѣняться, но измѣненія ихъ происходятъ нѣсколько медленнѣе, тѣмъ измѣненія системъ духовъ.

ковъ достигнуть міра мертвыхъ и т. п. являются, главнымъ образомъ, тѣми, съ кѣмъ приходится вести борьбу шаману. Кромѣ того шаманъ избавляетъ людей отъ возможныхъ безпокойствъ, принимая подъ свое наблюденіе и покровительство специальныхъ шаманскихъ духовъ, которые, оставаясь безъ шамана—хозяина, могутъ приносить зло людямъ, что случается также и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти духи находятся въ распоряженіи неумѣлаго или нелюбимаго духами шамана. Такимъ образомъ шаману принадлежитъ важная общественная роль врача и помощника людей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо воздѣйствіе на духовъ болѣе сложнымъ способомъ (не простое кормленіе духовъ жертвою), а такъ какъ такихъ случаевъ, гдѣ помощь шамана необходима, въ жизни шаманистовъ бываетъ много, то шаманъ оказывается необходимымъ вообще и это вызываетъ у нихъ стремленіе поддерживать шамановъ, а иногда даже и предоставлять нѣкоторое матеріальное обезпеченіе имъ для болшаго облегченія возможности вести сложную, ответственную и опасную дѣятельность по умиротворенію и направленію дѣятельности духовъ въ желательную людямъ сторону.

Не касаясь причинъ возникновенія представленія о существованіи духовъ—вопроса прекрасно разработаннаго въ этнографіи начиная со времени появленія классическихъ трудовъ Леббока, Спенсера, Тейлора и др.—я только замѣчу, что теорія признающая существованіе духовъ—буду продолжать, за недостаткомъ другихъ терминовъ, называть ее анимизмомъ—до сихъ поръ имѣетъ универсальное распространеніе и корни ея настолько глубоки, что ни религіозныя системы, отрицающія существованіе самостоятельныхъ духовъ, ни науки, ищущія объясненіе познаваемыхъ человѣкомъ явленій съ формальной точки зрѣнія иными путями, сами еще не вполне свободны отъ этой теоріи и ведя борьбу съ нею какъ съ заблужденіемъ въ доказательствахъ своихъ этого онѣ прибѣгаютъ къ той же схемѣ, опирающейся лишь на другую „систему“ духовъ, нормъ и законовъ.¹⁾

Не удивительно также и то, что разновидности и слѣдствія анимизма въ видѣ, хотя бы грубаго оккультизма, кликушества, способности „говорить на разныхъ языкахъ“ нѣкоторыхъ сектантовъ, отчасти хлыстовщина и др. явленія находятъ себѣ аналогичныя шаманистскимъ объясненія. Универсальное же распространеніе этихъ идей указываетъ намъ на то, что анимизмъ есть одна изъ стадій, еще не изжитыхъ, развитія нашего мышленія, міросозерцанія и самоосознанія.

¹⁾ Если высшія религіи въ основѣ своей и отрицаютъ существованіе такихъ духовъ, съ какими приходится вести борьбу шаману, то онѣ, всетаки, признаютъ рядъ высшихъ существъ или нормъ. Наука, признавая законы, напримѣръ біологическіе, механическіе и др. и излагая свой предметъ, какъ систему этихъ законовъ, въ сознаніи научно мыслящихъ людей замѣщаетъ духовъ шаманиста созданными ею законами, являющимися такимъ же созданиемъ классификаціи послѣдовательно познаваемыхъ явленій, какъ и духи шаманиста.

Какъ духи анимиста, такъ и законы науки есть лишь способы объясненія явленій, познаваемыхъ человѣкомъ, и разница между ними сводится къ количественной разницѣ зафиксированныхъ сознаниемъ звеньевъ познавательнаго процесса. Такимъ образомъ анимизмъ, высшія религіи и наука являются лишь стадіями развитія мышленія, разсматривающаго міръ, не какъ воспріятія познанія человѣка, но какъ объективно существующія и независящія отъ человѣка категоріи.

Если принято основное положение—существованіе духовъ, то остается лишь открыть свойства этихъ духовъ, изучить ихъ особенности, отношеніе къ человѣку и установить ихъ происхожденіе. Отсюда рождаются сложныя анимистическія теоріи, дающія большое количество вариаций, въ зависимости отъ знакомства народовъ съ теоріями своихъ сосѣдей.

Каковы же свойства духовъ интересующихъ насъ тунгусскихъ народностей? Здѣсь я дамъ лишь краткій, схематическій отвѣтъ, такъ какъ только детальное перечисленіе *всѣхъ духовъ* и описаніе ихъ могутъ исчерпать поставленный вопросъ, а это выходитъ за предѣлы поставленной задачи.

Духи безплотны, они невидимы, но могутъ присутствіемъ своимъ воздѣйствовать и притомъ самымъ различнымъ образомъ на физическія тѣла и могутъ производить звуки, шумъ: они обладаютъ всѣми психическими и умственными способностями, какими обладаетъ человѣкъ, включая сюда ощущеніе температуры, голода, волненія, страха, злости, благодарности и т. д. Такимъ образомъ духу свойственно все то, что свойственно человѣку и отличіе его отъ человѣка сводится къ тому, что онъ не можетъ быть осознанъ человѣкомъ непосредственно при помощи зрѣнія, осязанія, обонянія и вкуса.

Духъ можетъ вселяться и быть вселяемъ въ любое физическое тѣло и путемъ физическихъ и нравственныхъ воздѣйствій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть удаленъ изъ своего вмѣстилища. Путь вселенія и удаленія духа есть одинъ изъ способовъ, дающихъ возможность человѣку войти съ духомъ въ непосредственныя сношенія. Отсюда объясняется существованіе идоловъ, изображеній духовъ, символическихъ предметовъ и т. п., которыми человѣкъ пользуется какъ вмѣстилищами удобными и пріятными духу, ему извѣстными и для него специально предназначенными. По удачному выраженію одного Ывынки¹, идолы, изображенія и т. п., такъ называемые, священные предметы есть „сидѣнье духа, которое человѣкъ долженъ приготовить не только духу, но и своему гостю“, если хочетъ, чтобы гость былъ въ состояніи вести разговоръ съ хозяиномъ, сѣлъ, именно, у него, хозяина, и былъ имъ почтенъ.

Физическія тѣла духъ воспринимаетъ не физически, но воспринимаетъ *духовную сущность* этихъ тѣлъ, почему жертвы, приносимыя въ видѣ съѣстныхъ припасовъ, особенно крови, красивыхъ вещей и т. п. остаются послѣ жертвоприношенія и, слѣдовательно, воспріятія ихъ духами, неуничтоженными.

Тѣла же, издающія ароматы и запахи вообще, духами усваиваются безпрепятственно и легко.

Отсюда явствуетъ, между прочимъ, что всѣ тѣла, помимо своей тѣлесной, физической сущности обладаютъ также сущностью безтѣлесной, родственной по своей конструкціи духамъ и опредѣляемой нѣкоторыми этнографами, какъ душа вещей.

Поломка вещей, которая кладется въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ, можетъ быть истолковано, какъ желаніе высвободить изъ

¹) Народности, говорящія на тунгусскихъ языкахъ дѣлятся на двѣ группы: сѣверную,—Ывынки, и южную,—манджуры и примыкающія къ нимъ племена. Ывынки есть самоназваніе народностей, входящихъ въ сѣверную группу.

физическаго тѣла въ некоторую духовную сущность, заключающуюся въ физическомъ веществѣ тѣла, въ его физической цѣлостности и значеніи. Дѣйствительно, если тѣло, будучи сломано, физически потеряло свое прежнее значеніе и въ прежнемъ видѣ болѣе существовать не можетъ, то это прежнее значеніе—его духовная сущность—какъ бы высвобождается вмѣстѣ съ потерей прежняго физическаго вида и назначенія и, такимъ образомъ, можетъ слѣдовать за душою умершаго человѣка.

Дѣленіе духовъ на злыхъ и добрыхъ, по отношенію тунгусскихъ народностей, конечно, неправильно и есть разсужденіе по аналогіи съ такими религіями, какъ религія древнихъ персовъ, христіанство и др. Каждый духъ, если онъ со всѣми или частью своихъ атрибутовъ не заимствованъ изъ высшихъ религій, можетъ быть въ равной степени благотѣльнымъ и вреднымъ для даннаго человѣка и будучи благотѣльнымъ для одного быть вреднымъ для другого,—все зависитъ отъ того можетъ ли данный человѣкъ войти съ этимъ духомъ въ желательныя для него отношенія. Но такъ какъ рядъ духовъ, хотя бы по незначію, ускользаетъ отъ вліянія человѣка, то послѣдній постоянно оказывается окруженнымъ сонмомъ духовъ, неожиданныя дѣйствія которыхъ приводятъ человѣка въ состояніе безпокойства за всякія возможности имъ непредвидѣнныя.

Весьма возможно, что именно это и дѣлаетъ анимиста легко подверженнымъ страху и безстрашію.

Правда, анимистическая теорія призываетъ существованіе духовъ специализованныхъ,—преимущественно благотѣльныхъ, преимущественно нейтральныхъ и преимущественно вредныхъ,—но духи всѣхъ категорій для человѣка, въ зависимости отъ умѣнья и ловкости его, могутъ быть одинаково благотѣльными.

Сонмъ духовъ, существуя независимо отъ человѣка и имѣя свои собственныя желанія, можетъ воздѣйствовать на жизнь и дѣятельность человѣка. Если человѣку удастся заручиться расположеніемъ къ себѣ духовъ, то, конечно, онъ съ ихъ стороны, можетъ найти содѣйствіе въ своихъ дѣлахъ, если же ему это не удастся, то духи остаются либо нейтральными, либо вредоносными. Они обладаютъ различными качествами и особенностями, измѣненіе которыхъ отъ человѣка не зависитъ. Такъ на примѣръ, извѣстны духи тайги, отъ дѣйствія которыхъ въ сильной степени зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ въ охотѣ, специальные духи, руководящіе человѣкомъ во время охоты, духи предковъ, могущіе способствовать или мѣшать человѣку въ его начинаніяхъ, наконецъ большая группа духовъ специально шаманскихъ, находящихся въ распоряженіи шамана и подъ его руководствомъ. Но кромѣ того есть духи, причиняющіе человѣку болѣзни путемъ вселенія въ него или путемъ предоставленія такой возможности другимъ духамъ. Послѣдняя категория духовъ особенно велика количественно.

Если мы установили, что по природѣ своей духи независимы отъ человѣка, но въ то же самое время распространяютъ свою дѣятельность на него, то задавнѣе человѣка является воздѣйствіе на духовъ въ желательномъ для него направленіи и это воздѣйствіе оказывается однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ облегченія тяжелой

жизни человѣка въ этомъ мірѣ, отъ знанія же способовъ воздѣйствія и качествъ духовъ зависитъ, слѣдовательно, успѣшность самихъ воздѣйствій и спокойное существованіе человѣка. Природа духовъ, какъ было видно, по конструкціи своей вполне совпадаетъ съ природою души человѣка. Поэтому и способы воздѣйствія на духовъ подобны тѣмъ, которые употребляются по отношенію къ человѣку.

Если человѣкъ, получивъ нѣкоторое удовольствіе, бываетъ благодаренъ тому, кто доставляетъ ему это удовольствіе, то и расположеніе духовъ можетъ быть приобрѣтено такимъ же способомъ. Напримѣръ, вкусныя яства человѣку пріятны, а поэтому жертвоприношенія духамъ вкусныхъ яствъ есть способъ воздѣйствія и къ тому же является однимъ изъ самыхъ легкихъ и доступныхъ.

Если человѣкъ можетъ быть переубѣжденъ умными доводами, то и духъ можетъ быть также ими переубѣжденъ, а потому обращенія человѣка къ духамъ съ словами убѣжденія и просьбами также является однимъ изъ способовъ воздѣйствія.

Точно также на духовъ дѣйствуютъ угрозы, обѣщанія угрозъ и каръ и т. п. Поэтому эти приемы, какъ и другіе, могутъ быть способомъ воздѣйствія.

Понятно также, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно дѣйствовать на духа и обманомъ, если есть надежды на то, что обманутый не обратится противъ человѣка и не будетъ ему мстить,—пойметъ выгоду для самаго себя обмана или не будетъ въ состояніи, хотя бы временно, причинять вредъ.

Однимъ изъ способовъ обезвреженія духовъ является также возбужденіе вражды между духами, нейтрализація ихъ вредной для человѣка дѣятельности путемъ натравливанія однихъ духовъ противъ другихъ.

Между духами, какъ и между людьми, существуетъ соревнованіе и борьба, чѣмъ, при знаніи этихъ взаимоотношеній духовъ, человѣкъ пользуется въ своихъ интересахъ. На игрѣ этими взаимоотношеніями духовъ основанъ цѣлый рядъ способовъ предотвращенія вредныхъ для человѣка дѣйствій духовъ.

Изъ этого перечня способовъ воздѣйствія на духовъ видно, что таковыхъ можетъ быть весьма много и выборъ ихъ зависитъ отъ человѣка. При знаніи же привычекъ, склонностей и особенностей духовъ для человѣка открывается возможность регулированія дѣятельности духовъ и даже управленія ими.

Отсюда происходятъ періодическія жертвоприношенія, напримѣръ родовымъ и другимъ духамъ и поддержаніе при помощи этого ихъ постоянно благосклоннаго отношенія къ роду. Тѣ же цѣли преслѣдуетъ постоянное оказаніе вниманія и почтенія духамъ, періодическое угощеніе шаманскихъ духовъ, угощеніе высшихъ духовъ неба, земли и т. п. Путемъ привлеченія духовъ въ спеціальныя вмѣстилища можно оставлять духовъ, такъ сказать, постоянно на виду, и тогда задачей человѣка является удержаніе ихъ, словомъ убѣжденія и угощеніемъ во вмѣстилищахъ и охрана послѣднихъ отъ попытокъ со стороны другихъ духовъ захватить вмѣстилища имъ не предназначенныя.

Желательные для человѣка акты духовъ вызываются человѣкомъ путемъ символизаціи дѣйствій аналогичныхъ желаемымъ. Такъ, свистъ человѣка понимается духомъ, какъ желаніе человѣка вызвать вѣтеръ.

или привлечь вниманіе духа, выливаніе воды и побрызгиваніе ею понимается духомъ, какъ желаніе человѣка вызвать дождь и т. д. Эти дѣйствія являются такимъ образомъ не дѣйствіемъ *similia similibus*, какъ это понимается нѣкоторыми этнографами, а, вѣрнѣе, способомъ сношеній, символической передачей мыслей человѣка духамъ, легче понимающимъ, ввиду своихъ отличій отъ человѣка, эти символы, чѣмъ обычный способъ сношенія людей. Поэтому въ ритуалѣ и обращеніяхъ къ духамъ символамъ отведено весьма значительное мѣсто. Но и въ томъ случаѣ, когда человѣку необходимо войти въ борьбу съ духомъ или человѣкомъ (его духомъ, душой), могутъ быть дѣйствія съ внѣшней стороны напоминающія ту символику, о которой только что было сказано. Такъ напримѣръ, иногда дѣлается изображеніе, человѣка или духа изъ какого-либо непрочнаго матеріала и въ это изображеніе производится выстрѣлъ или изображенію причиняется вообще тотъ или иной вредъ или обидное дѣйствіе. Въ этомъ случаѣ дѣйствія человѣка нужно понимать слѣдующимъ образомъ: во вмѣстилище (изображеніе) вмѣщается путемъ хитрости, обѣщаній, угощеній и т. п. духъ или душа человѣка, а дѣйствіе, направленное противъ вмѣщаемаго въ изображеніе духа или души человѣка приноситъ вредъ или обиду самому духу или душѣ человѣка, ихъ особой сущности. Поэтому иногда оказывается возможнымъ, особенно для людей умѣлыхъ, причинить вредъ человѣку или духу, именно, такимъ способомъ. Но это уже, конечно, не символика, а реальное съ точки зрѣнія анимиста, дѣйствіе.

Всѣ указанные способы, какъ видно, суть способы предупреждающіе и регулирующіе дѣятельность духовъ, находящихся въ неподчиненіи человѣку и преимущественно внѣ его. Что же происходитъ, если духъ вмѣщается въ человѣка?

Въ случаѣ, если изгнаніе духа путемъ насилія или убѣжденія увѣнчивается успѣхомъ, то вопросъ простъ, но если этого достигнуть невозможно, то могутъ быть два выхода,—во первыхъ, человѣкъ подчиняется духамъ, во вторыхъ, человѣкъ подчиняетъ духовъ себѣ и дѣлаетъ ихъ своимъ орудіемъ.

Есть люди, которые обладаютъ свойствомъ принимать въ себя духовъ. Духи вселяются въ человѣка точно также, какъ они вселяются въ предметы, но вселившись въ человѣка, они начинаютъ воздѣйствовать на него. Въ томъ случаѣ, если духъ вселился въ человѣка тогда, когда душа человѣка отсутствовала изъ тѣла, то тѣло человѣка оказывается въ полномъ распоряженіи духа и человѣкъ оказывается духу подчиненнымъ абсолютно, но могутъ быть случаи, случаи нѣкоторыхъ заболѣваній, когда духъ уживается въ тѣлѣ человѣка вмѣстѣ съ душой его (духомъ его). Въ этомъ случаѣ, конечно, можетъ происходить борьба между ними и духъ можетъ быть либо побѣжденъ (выздоровленіе), либо остается побѣдителемъ и душа человѣка (духъ человѣка) можетъ даже оставить тѣло совершенно. Подъ послѣднюю категорію случаевъ подходятъ всѣ длительныя психическія заболѣванія, оканчивающіяся смертью больного. Въ случаѣ, если душа человѣка остается въ тѣлѣ его, то можетъ произойти подчиненіе ея духу лишь относительное и человѣкъ, сохраняя вполнѣ свою нормальность (психически здоровъ), оказывается орудіемъ

духа (необъяснимые, аморальные поступки, припадочность и т. п. постоянныя и періодическія явленія).

Способностью воспринимать въ себя духовъ обладаютъ почти всѣ люди, но остается еще категорія людей, которые могутъ не только воспринимать въ себя, но и подчинять себѣ духовъ, свободно распоряжаясь ими, и при помощи этихъ духовъ могутъ даже произвольно отпускать изъ своего тѣла свою собственную душу (духъ). Это и есть шаманы. На подчиненіи духовъ человѣку, собственно, и основано шаманство.

II. Главнѣйшіе духи тунгусовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о томъ, какими способами люди овладѣваютъ духами и какимъ образомъ они дѣлаются шаманами, я перейду къ описанію различныхъ духовъ, съ которыми людямъ, и шаману въ частности, приходится имѣть дѣло. При классификаціи духовъ мнѣ придется опустить большую часть объясненій, относящихся къ установленію происхожденія, эволюціи и взаимныхъ отношеній духовъ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы настоящаго „Опыта“ и къ подробному описанію я буду обращаться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ необходимо для ясности изложенія самихъ основъ шаманства.

Всѣ духи могутъ быть раздѣлены на группы. Во первыхъ, можно группировать ихъ по признаку непосредственнаго отношенія къ человѣку,—вселяются духи или нѣтъ. Во вторыхъ, можно группировать ихъ по происхожденію,—свои собственные духи и духи ивороднаго происхожденія. Въ третьихъ, духи могутъ быть группированы по признаку полезности и вредности для человѣка,—благонесущіе, вреднесущіе и нейтральные духи.

Дать полный списокъ духовъ извѣстныхъ мнѣ народностей не представляетъ интереса, поэтому я, группируя духовъ по всѣмъ трѣмъ признакамъ, останавлиюсь лишь на наиболѣе типичныхъ духахъ, относя детальное перечисленіе и описаніе ихъ въ мою будущую работу по этнографіи тунгусскихъ народностей, гдѣ я останавлиюсь болѣе подробно на вопросѣ о міросозерцаніи, шаманствѣ и прочихъ явленіяхъ, послужившихъ мнѣ предметомъ наблюденій.

1. **Буга.** У всѣхъ тунгусовъ, кромѣ манджуровъ, есть представленіе объ единомъ вѣчномъ существѣ, которое всюду и вѣчно пребываетъ и носитъ названіе фонетически близкое къ *буга*. Тѣмъ же терминомъ тунгусы опредѣляютъ и весь міръ, съ включеніемъ земли, воды, неба и всего вообще существующаго. *Буга* не вмѣшивается въ дѣла людей, но является творцомъ и распредѣлителемъ всего существующаго и обращаются къ нему въ весьма рѣдкихъ и важныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, раздѣленіе родовъ и т. п. Представленія о немъ физическаго не имѣется и онъ не изображается¹⁾. Вслѣдствіе указанныхъ особенностей, значеніе его въ обычной жизни невелико.

¹⁾ Это можетъ указывать на значительную его древность.

II. Духъ неба. Большое значеніе имѣеть духъ неба, который у разныхъ народностей носитъ различныя названія: *дагачан*, *дэсуласки* (*буга*, *эндури*¹⁾) и др. Понятіе о немъ у нѣкоторыхъ тунгусовъ иногда сливается съ буга, но дѣятельность его по отношенію къ человѣку ближе и онъ въ значительной степени вѣдаетъ всѣми людьми въ ихъ общественной и личной жизни. Онъ преимущественно благодѣтеленъ, но если сердится за невниманіе, то караетъ человѣка, лишая его утѣха на охотѣ, прироста стада и т. п., не причиняя вреда активнаго, только лишая своей помощи. Происхожденія онъ, вѣроятно, не тунгусскаго, такъ какъ и по названію и по многимъ функціямъ своимъ является созданіемъ чуждымъ.

III. Духъ земли встрѣчается только у тѣхъ тунгусовъ, которые знакомы съ земледѣліемъ и заимствованъ отъ китайцевъ, какъ и духъ подземнаго міра, міра признаваемаго также далеко не всѣми тунгусами, носящаго названіе не тунгусское и заимствованнаго отъ китайцевъ и ламантовъ, — монголовъ и манджуровъ.

IV. Духъ тайги. Совершенно иную роль играетъ духъ тайги. Это антропоморфное существо, съдой старикъ обитаетъ въ тайгѣ и является хозяиномъ, распредѣлителемъ между людьми дикихъ животныхъ и т. д. Онъ даетъ удачу, счастье на охотѣ. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ оказывается причиною заболѣванія, но вмѣшательство шамана помогаетъ. Въ этомъ случаѣ дѣлается у нѣкоторыхъ народностей его изображеніе на бумагѣ и тогда онъ попадаетъ въ группу буркан или сэваки, обычно же его изображеніе дѣлается въ тайгѣ, на мѣстѣ удачной охоты и особенно на перевалахъ большихъ хребтовъ. На очищенномъ отъ коры деревѣ насѣчками дѣлается изображеніе глазъ, носа, рта и бороды. У этого духа есть жена, которая ходитъ и не имѣетъ особыхъ функцій, но изображается вмѣстѣ съ нимъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, у этой четы есть еще двое дѣтей, которыя особой роли также не играютъ. Ему приносятся жертвы или изъ только что убитаго животнаго или же изъ риса, проса (буды) и пр. крупъ, если таковыя имѣются у данной народности.

Этотъ духъ пользуется, по мнѣнію нѣкоторыхъ, для передвиженія бѣлымъ жеребцомъ, по мнѣнію другихъ, — тигромъ; у него же есть большая собака, длиною около полутора аршинъ. Иногда, во время охоты, люди его видятъ. Для него выдѣляется изъ табуна или стала одинъ бѣлый жеребецъ или олень, на которомъ онъ имѣетъ возможность ѣздить, на котораго не кладутъ вьюковъ и который является въ случаѣ нужды посредникомъ при сношеніяхъ съ духомъ. Названія этого духа варьируютъ. Такъ, у нѣкоторыхъ онъ называется *ичи* (якутское), у другихъ *дагачан*, у третьихъ *баян ами*, у четвертыхъ *айнача* (монгольское), у пятыхъ — *магун*. Изъ чего явствуетъ, что названіе этого духа частью народностей заимствовано. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ особенностей, какъ жертвоприношеніе изъ риса и проса, священные бѣлые жеребцы и пр. также заимствованы отъ нетунгусскихъ народностей.

V. Эндури. У манджуровъ и другихъ тунгусскихъ народностей, соприкасающихся съ ними, есть рядъ духовъ подъ названіемъ *эндури*.

¹⁾ Передача этихъ терминовъ фонетически не точна. Къ сожалѣнію, техническія условія не позволяютъ дать точную транскрипцію нерусскихъ словъ.

Эти духи могутъ имѣть самыя различныя функціи и частью они покрываютъ¹⁾ уже перечисленныхъ. Такъ, есть *эндури* пашень, рѣкъ и водъ вообще, нѣдръ земныхъ, посуды, оружія, торговли, отдѣльныхъ ремесель и т. д. Большая часть ихъ заимствована вмѣстѣ съ названіями, функціями и внѣшнимъ видомъ отъ китайцевъ и на нихъ я останавливаться не буду. Познанія объ нихъ почерпаются преимущественно изъ китайскихъ книгъ. Интересно отмѣтить только духа женскаго, дающаго души дѣтямъ, живущаго на юго-востокѣ и носящаго помимо *эндури* также и другія названія. Какъ помощники этого духа имѣются еще нѣкоторые духи, способствующие успѣшному физическому воспитанію дѣтей. Этихъ духовъ много и они часто имѣютъ самостоятельныя значеніе и роль и не связаны съ главнымъ духомъ, отсутствующимъ у тѣхъ народностей, которыя стоятъ дальше отъ вліянія манджуровъ. Эти, такъ сказать, дѣтскіе духи подъ названіемъ *алюкан*, *канган* и др. охраняютъ дѣтей и невмѣшательство ихъ даетъ возможность другимъ духамъ причинять зло дѣтямъ.

VI. Мелкіе духи тайги, сопокъ и т. д. Весьма обширна группа духовъ населяющихъ тайгу, степь, горы, ручьи, каменныя росыши. Духи эти носятъ различныя наименованія, различнаго происхожденія и по отношенію къ человѣку могутъ имѣть различное значеніе и вліяніе. Изъ этой группы особенно много духовъ именуемыхъ нѣкоторыми тунгусами *арэнки*. По всей вѣроятности *арэнки* это души покойниковъ, оставленныхъ непогребенными, — замерзшіе, разбившіеся о скалы и вообще погибшіе отъ несчастныхъ случаевъ люди. Эти духи существеннаго вреда человѣку причинить не могутъ. Видимое проявленіе ихъ извѣстно только одно, — свѣтовое, какъ напримѣръ двигающіеся болотные огоньки, люминисценція и фосфорисценція. Въ тайгѣ они иногда пугаютъ человѣка шумомъ, особенно же свистомъ. Иногда они бросаютъ въ человѣка мелкими камешками, сучьями и т. п. Всѣ непонятныя шумы и движенія въ тайгѣ приписываются имъ. Иногда *арэнки* пытаются ближе подойти къ человѣку, но бываетъ достаточно выстрѣла изъ ружья, чтобы его отогнать. Если бываетъ много людей, то *арэнки* не проявляетъ большой активности. Особенно же они активны, когда человѣкъ нетрезвъ. Отдѣльныя *арэнки* имевъ не имѣютъ.

VII. Бон или ибага. Совершенно особо стоитъ существо бон (тунгусское) или ибага (маньчжурское). Оно извѣстно особенно широко населенію, живущему въ Маньчжуріи и Монголіи особенно же около г. Мэргэня. Въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ духовъ бон имѣетъ тѣло, темнокрасную кровь, покрытъ сильно волосами, имѣетъ слабо развитую нижнюю челюсть или совершенно лишенъ ея и происходитъ изъ покойниковъ. Въ засушливое лѣто ихъ появляется особенно много, зимою же не бываетъ. Разсматривать ихъ какъ духовъ, собственно, не приходится. По толкованію тунгусовъ, если въ погребенный уже трупъ входитъ душа непогребеннаго человѣка, то трупъ оживаетъ. Если вспомнить, что человѣкъ имѣетъ три души, а именно: душу, остающуюся при могилѣ, душу, переходящую въ другого человѣка, а иногда и животное и душу, уходящую въ міръ мертвыхъ, то

¹⁾ У манджуровъ духъ буга входитъ въ эту же группу, но ему приписываются меньшія сила и значеніе, чѣмъ буга другихъ тунгусовъ.

ри трупъ, можетъ быть одна первая душа. Если въ трупъ вселится душа другого человѣка, еще не успѣвшая или не могущая попасть въ міръ мертвыхъ, то трупъ оживаетъ, но не обладаетъ всѣми данными для нормальнаго человѣческаго существованія, такъ какъ вторая душа его отсутствуетъ и полного воскрешенія произойти не можетъ. Какъ общее правило, такихъ *бон* уничтожаютъ и особенно охотно собаками, такъ какъ *бон* при встрѣчѣ съ людьми иногда имъ причиняютъ зло. Они ночью бросаются на спящихъ людей, борются съ ними, пугаютъ, душатъ и т. п. Но женщина *бон* иногда можетъ даже разрѣшиться отъ бремени въ могилѣ¹⁾, если погребенная была беременна.

Бон ѣсть и пьетъ и вообще проявляетъ всѣ свойства физически нормальнаго человѣка, но питается преимущественно барсукомъ. По всей вѣроятности, *бон* есть ничто иное какъ заснувшіе летаргическимъ сномъ, погребенные и проснувшіеся люди, которые и сами себя и ихъ всѣ считаютъ родомъ нечеловѣческихъ существъ и они являются обреченными на окончаніе жизни вдали отъ людей²⁾, снискивая себѣ пропитаніе охотою на легко убиваемыхъ животныхъ (барсуковъ). Нѣкоторыя отступленія,—особенная волосастость и отсутствие нижней челюсти или слабое развитіе ея, а также темнаго цвѣта крови,—могутъ быть для сознанія людей попросту необходимымъ отличіемъ *бон* отъ нормальныхъ людей.

Я подробно остановился на этомъ явленіи ввиду того, что оно вообще характерно для психологій и мышленія тунгусовъ и многихъ изслѣдователей можетъ привести къ неправильному пониманію ученія о духахъ. Эти существа не есть духи, но только результатъ дѣятельности послѣднихъ.

VIII. Духи предковъ. Есть еще значительная группа духовъ, которыхъ манджурскіе тунгусы называютъ *сиркуль*. Собственно, этимъ названіемъ они опредѣляютъ всѣхъ духовъ, приносящихъ зло, если духъ опредѣленно неизвѣстенъ, т. е. бурканъ это или одинъ изъ шаманскихъ духовъ или предокъ и т. д. Преимущественно же этотъ терминъ относится къ духамъ—предкамъ, если таковые неизвѣстны по имени. Если люди корыстны вообще, то предки особенно и они ищутъ отъ живыхъ людей тѣхъ или иныхъ выгодъ, на примѣръ, жертвоприношенія, знаковъ почтенія и т. п. Если имъ не оказывается вниманія, то они способны причинять зло, мѣшать успѣшности охоты, производительности стада и даже здоровью сородовичей. Поэтому имъ устраиваются періодическія жертвоприношенія, при которыхъ полагаются особыя молитвы (обращенія къ духамъ умоливательныя и просительныя). Предки могутъ быть довольно близкими и извѣстными человѣку и тогда они поименовываються, а если это предки значительно отдаленные, то ихъ называютъ общимъ именемъ,—предки.

Такимъ образомъ понятіе духа—предка въ сильной степени связано съ представленіемъ преимущественно о вредоносномъ духѣ, а поэтому отношеніе между живыми и мертвыми носятъ характеръ пре-

¹⁾ Если это погребеніе тунгусское, то могила дѣлается часто подвѣсная на столбахъ въ незаколоченномъ гробу.

Манджуры же обычно засыпаютъ землею гробъ только небольшимъ холмикомъ.

²⁾ Многочисленные разсказы о столкновеніяхъ съ *бон* тунгусовъ или *бага* манджуровъ, вполне подтверждаютъ это предположеніе.

дупредительный и умилоствительный. Духи—предки появляются преимущественно послѣ захода солнца и особенно часто осенью; они голодны и истощены, жадны и злобны, если не получают просимаго. Поэтому жертвоприношенія духамъ—предкамъ обычно устраиваются ночью, особенно же осенью и духовъ—предковъ стараются ласковыми словами и обманами удалить возможно скорѣе обратно въ міръ мертвыхъ,—*буны*. Особенно же опасны тѣ изъ предковъ, которые не могли достигнуть міра мертвыхъ нормальнымъ путемъ и души которыхъ остаются или постоянно возвращаются въ міръ живыхъ¹⁾.

Представленія о жизни въ мірѣ мертвыхъ весьма различны, что всецѣло зависитъ отъ познаній народа въ этой области. Тѣ изъ тунгусовъ, которые ознакомились съ китайскими представителями о загробной жизни, свои представленія о мірѣ мертвыхъ пополняютъ изъ этого источника. Тѣ же тунгусы, которые ближе стоятъ къ монголамъ, заимствовали свои познанія отъ монголовъ и т. д. Всякое знаніе въ этой области, откуда оно ни исходило бы учитывается тщательнымъ образомъ и если попытаться возстановить *чисто тунгусское* понятіе о мірѣ мертвыхъ, то оно можетъ быть возстановлено только предположительно. Сущность его сводится къ тому, что міръ мертвыхъ построенъ абсолютно подобно міру живыхъ съ тою разницею, что всѣ лица и предметы суть духи (души) и не имѣютъ физической сущности.

Подробнѣйшее описаніе міра мертвыхъ по понятіямъ манджуровъ находится въ оригинальномъ, пожалуй единственномъ въ своемъ родѣ, но весьма распространенномъ среди народностей Маньчжуріи произведеніи, гдѣ изложено путешествіе шамана (души его) въ этотъ міръ²⁾. По понятіямъ манджуровъ міръ мертвыхъ конструированъ подобно манджурскому укладу жизни. По понятіямъ же, напримѣръ, тунгусовъ забайкальскихъ міръ мертвыхъ хотя значительно проще, но зато наполненъ дьяволами и т. п. атрибутами, заимствованными отъ русскихъ.

Въ качествѣ вмѣстилища для духовъ—предковъ обычно употребляются антропоморфныя изображенія, изображенія собаки или оленя, на которыхъ души предковъ предпочитаютъ передвигаться³⁾. Чтобы рѣшительно избавиться отъ посѣщенія этихъ духовъ, иногда въ тѣ вмѣстилище, въ которое духъ уже вмѣщенъ, стрѣляютъ изъ ружья или лука, чтобы изувѣчить духа и лишить его возможности возвращаться въ міръ живыхъ.

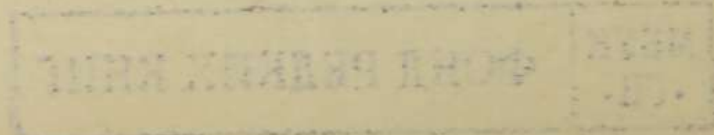
У манджуровъ въ отличіе отъ остальныхъ тунгусовъ существуетъ богато развитой культъ предковъ. У cadaго рода⁴⁾ есть своя собственная группа духовъ—предковъ, которая приращивается все

¹⁾ У манджуровъ, напримѣръ, всѣ казенные путемъ отрубанія головы.

²⁾ Произведеніе это носитъ названіе „Нішан саман“—Нішанъ (имя) Шаманъ. Оно было впервые найдено А. В. Гребенниковымъ въ Сѣверной Маньчжуріи, но къ сожалѣнію не было во время переведено и издаво. Въ 1916 г. мнѣ удалось тамъ же найти и перевести второй вариантъ, который при любезномъ сотрудничествѣ проф. П. П. Шмидта теперь готовится къ печати.

³⁾ Собака дѣлается у тѣхъ тунгусовъ, которые не знаютъ оленеводства, что можетъ отчасти указывать на то, что собака въ качествѣ способа передвиженія была извѣстна тунгусамъ раньше оленя. У манджуровъ дѣлается собака

⁴⁾ Манджуры сохранили родовое устройство вполнѣ.

время новыми покойниками. Хотя манджуры и имѣютъ письменность и запоминанія именъ предковъ не требуется, такъ какъ каждый покойникъ заносится въ особый списокъ, но по мѣрѣ движенія времени предки все таки превращаются въ духовъ безъ имени называемыхъ *вочко* (*вэчэку* — въ литературномъ языкѣ). Ежегодно въ январѣ и февралѣ имѣ устраивается жертвоприношеніе, при чемъ въ зависимости отъ рода характеръ и составъ жертвы измѣняются. Въсталища для *вочко* отличаются такимъ же разнообразіемъ. Иногда это пучки ленточекъ разнаго цвѣта, иногда же это деревянные предметы или даже антропоморфныя изображенія.

Во многихъ случаяхъ причиною заболѣваній являются *вочко*, но они также способствуютъ и удачамъ въ жизни. Съ этой точки зрѣнія родовые *вочко* часто выполняютъ ту роль, которая у другихъ тунгусовъ принадлежитъ родовымъ бурканамъ. Высоко развитой культъ предковъ у манджуровъ во многихъ отношеніяхъ можетъ быть связанъ съ китайскимъ культомъ предковъ¹⁾.

IX. Духи Фучхи и мафа. Чтобы исчерпать перечисленіе духовъ извѣстныхъ тунгусамъ вообще приходится особо отмѣтить группу *фучхи* и *мафа* манджуровъ. *Фучхи* заимствованы манджурами отъ ламантовъ — монголовъ. Эти духи причиняютъ болѣзни и вообще духи преимущественно вредоносные. Количество этихъ духовъ весьма значительно и шаманы ведутъ борьбу съ ними постоянно. Изображенія *фучхи* дѣлается обычно монгольскими и китайскими мастерами. Группа *мафа* состоитъ изъ ряда духовъ находящихся при жилищѣ. Такъ, есть специальный *мафа огорода*, *мафа дома* и т. д., вслѣдствіе небрежности которыхъ можетъ произойти проникновеніе въ домъ или несчастье злыхъ *фучхи*, но говоря вообще они для человека благотельны. Время отъ времени для умиловленія ихъ устраиваются жертвоприношенія и моленія. Говоря вообще и культъ *фучхи* и культъ *мафа* носятъ всѣ черты заимствованія отъ монголовъ и китайцевъ, что отразилось какъ на наименованіяхъ ихъ, такъ и на функціяхъ, а потому я на нихъ долѣе останавливаться не буду.

Къ духамъ не имѣющимъ большого значенія въ жизни тунгусовъ можно отнести такихъ, какъ напримѣръ хозяева различныхъ животныхъ и насѣкомыхъ. Ихъ вмѣшательство въ жизнь людей незначительно, перечисленіе ихъ я опускаю.

Группа буркановъ, сывэновъ и вочко.

Наибольшее значеніе принадлежитъ несомнѣнно группамъ *буркановъ* и *сывэновъ*. Во многихъ отношеніяхъ онѣ имѣютъ много общаго. Группа буркановъ²⁾ отдѣльными представителями своими входитъ въ группу сывэновъ³⁾

Сывэнъ — это чисто шаманскій духъ. Онъ входитъ въ шамана и шаманъ вводитъ его произвольно въ себя. Такимъ образомъ, онъ мо-

¹⁾ Подробно этотъ вопросъ мною разработанъ въ работѣ по шаманству и вѣрованіямъ манджуровъ, которая готовится теперь къ печати.

²⁾ Отъ монгольскаго слова бурханъ, борханъ.

³⁾ Морфологія этого слова неизвѣстна, но распространеніе его ограничено тунгусскими народностями, исключая собственно манджуровъ, но включая гольдовъ. У нѣкоторыхъ тунгусовъ употребляются также термины *саваки*, *савакичан*.

жетъ черезъ духа расширять свои возможности познанія, воздѣйствія на духовъ, передвиженія и т. д. Когда же сывэны оказываются въ распоряженіи шамана они являются его слугами, его подчиненными, а шаманъ въ это время называется хозяиномъ сывэновъ. *Бурканъ*—это духъ существующій независимо отъ человѣка и причиняющій человѣку иногда зло, особенно же въ отношеніи заболѣваній, а иногда и добро, если человѣку удастся взять буркана подъ свой контроль. Бурканъ подчиненный шаману дѣлается сывэномъ¹⁾ И бурканы и сывэны дѣлятся на двѣ группы каждый: на группу родовыхъ²⁾ и группу инородныхъ—*дона*. Всѣ родовые духи даннаго рода не покидаютъ его и остаются въ немъ всегда, при чемъ они переходятъ изъ поколѣвія въ поколѣніе отъ отца къ сыну и дочери. Случай перехода духа отъ матери къ дѣтямъ будетъ разобранъ далѣе, а пока отмѣчу только, что наследованіе родовыхъ духовъ можетъ вестись только по мужской линіи.

Дона,—инородные духи,—появляются среди данной народности совершенно случайно. Если въ данной мѣстности появляются другія народности, напримѣръ якуты, или дауры, или русскіе, или китайцы, то ихъ бурканы и сывэны могутъ начать воздѣйствія на данную народность или часть ея (группу родовъ) и такимъ образомъ они заставляютъ оказывать себѣ вниманіе жертвами и молитвами и т. д., пока не будутъ удалены насиліемъ или хитростью. Тоже самое можетъ быть и въ отношеніи духовъ другихъ родовъ, а также и духовъ случайно образующихся въ тайгѣ, сопкахъ, гдѣ души погибшихъ людей остаются и дѣлаются бурканами, а вселяясь въ шамана дѣлаются сывэнами. Духи *дона*, послѣ продолжительнаго пребыванія среди народности или рода могутъ стать въ концѣ концовъ постоянными и даже родовыми духами. Такъ напримѣръ, Николай Угодникъ у Забайкальскихъ тунгусовъ сталъ однимъ изъ инородныхъ буркановъ, точно такимъ же путемъ, какъ у нѣкоторыхъ шамановъ сывэнами стали духи монгольскихъ и даурскихъ шамановъ. По силѣ и значенію эти духи *дона* не отличаются отъ родовыхъ.

Для объясненія способовъ сообщеній буркановъ и сывэновъ съ людьми и воздѣйствія на нихъ со стороны людей у тунгусовъ Маньчжуріи и манджуровъ существуетъ слѣдующая теорія. У каждаго буркана и сывэна, а также и другихъ духовъ существуютъ свои собственные *дороги*³⁾ *Дороги* бываютъ ночныя, полуденныя, западныя, южныя, верхнія, нижнія и т. д. Движеніе духовъ происходитъ по этимъ *дорогамъ* и особенности проявленій духа на человѣкѣ зависятъ отъ *дороги* даннаго духа. Такъ, если бурканъ или сывэнъ пришелъ ночью *дорогою*, то онъ производитъ одинъ эффектъ, а если полуден-

¹⁾ У тунгусовъ бурканъ иногда называется также саваки, савакичандъ, но эти термины, видимо, чисто тунгусскіе, теперь выходятъ изъ употребленія и нѣкоторые тунгусы всѣхъ духовъ вообще и вмѣстелища ихъ называютъ этими терминами.

²⁾ Подъ родомъ условимся понимать группу людей, въ сознаніи своемъ связанныхъ единствомъ кровнаго происхожденія (по мужской линіи), внутри которой бракъ запрещенъ (законъ экзогаміи).

³⁾ У тунгусовъ *дорога* называется *окто*, что обозначаетъ и тропу и дорогу въ узкомъ смыслѣ слова; у манджуровъ слово *джогу*, вполнѣ передаетъ понятіе *окто*.

ною, то другой эффект. Въ зависимости отъ этого должно быть и воздѣйствіе на духа. Званіе *дорогъ* и распознаваніе человекомъ по какой имѣно изъ нихъ пришелъ духъ облегчаетъ борьбу съ духами, такъ какъ по такой *дорогѣ*, какъ по слѣду, можно легко добраться шаману до самого духа. *Дороги* бываютъ болѣе и менѣе трудныя. Такъ всѣ полуночныя *дороги* труднѣе. *Дороги* предковъ проходятъ по каменистымъ, мрачнымъ мѣстамъ черезъ горы и т. д. Званіе ихъ получается людьми черезъ шамановъ, души которыхъ въ сопровожденіе духовъ по нимъ проходятъ.

По *дорогамъ* происходитъ постоянное движеніе духовъ и по нимъ же шаманы привлекаютъ духовъ къ себѣ, если въ нихъ нуждаются, на нихъ же производятъ ихъ взаимныя и съ людьми встрѣчи.

Какъ было сказано выше, для привлеченія духовъ дѣлаются особыя вмѣстилища, а при вмѣстилищахъ обычно бываютъ и *дороги*, символизированныя въ видѣ длинныхъ лентъ, шнурковъ, узкихъ и длинныхъ кожаныхъ полосъ съ подвязанными пучками ремешковъ, тряпочекъ и бисера, символизирующихъ различныя пункты *дороги*. При нѣкоторыхъ вмѣстилищахъ дорогъ не бываетъ. Если же это вмѣстилище сдѣлано въ видѣ картинки (не тунгусскаго производства), что весьма сильно распространено среди тунгусовъ Маньчжуріи, тогда *дороги* изображаются условно на самой картинкѣ или же при ней держатся въ видѣ отдѣльной связки лентъ, шнура и т. под.

У различныхъ родовъ бываютъ различныя комбинаціи буркановъ и сывэновъ. Одинъ и тотъ же бурканъ или сывэнъ можетъ обладать въ данномъ родѣ нѣкоторыми отличительными чертами (по *дорогамъ*). Процессъ созданія такой группы родовыхъ духовъ протекаетъ приблизительно слѣдующимъ образомъ. Допустимъ, что первоначально родъ находился подъ воздѣйствіемъ одного какого-нибудь буркана, который сталъ считаться родомъ постоянно съ нимъ связаннымъ. *Выявленія* (эффекты) этого буркана обычно носили ограниченный характеръ, допустимъ, по *дорогѣ* только полуденной. Вмѣстилище для него было сдѣлано только съ полуденной *дорогой* и только съ одной этой *дорогой* онъ и перешелъ къ слѣдующимъ младшимъ поколѣніямъ. Вслѣдствіе вмѣшательства въ дѣла рода другого буркана и этотъ второй бурканъ сталъ родовымъ. Если же къ моменту наблюденія оказалось что другіе бурканы не проявлялись, то у рода будетъ только два буркана, при чемъ одинъ изъ нихъ съ дефективными *дорогами*. Можетъ быть также и другой случай, а именно вслѣдствіе малой активности буркана родъ мало по малу забываетъ объ его существованіи и если случайно гибнутъ вмѣстилища, то возстановивать бывшихъ буркановъ приходится уже на память и нѣкоторыя *дороги* и даже сами бурканы могутъ быть забыты совершенно. Наконецъ, такъ какъ у нѣкоторыхъ семействъ существуютъ свои собственные бурканы, то при преобладаніи въ родѣ такихъ семействъ (смѣны плодovitыхъ поколѣній), семейные бурканы мало по малу могутъ стать родовыми. Ясно, что количество и комбинаціи буркановъ подвержены значительнымъ колебаніямъ и причинами такихъ колебаній является прежде всего знаніе (при отсутствіи письменности, плохо зафиксированные) людей о самихъ бурканахъ и ихъ отношеніи къ роду. Фантазія и собственные соображенія объ активности тѣхъ или иныхъ

буркановъ по отношенію къ роду оказываются постояннымъ источникомъ измѣненій въ системахъ отдѣльныхъ родовъ. Неудивительно поэтому значительное разнообразіе комбинацій и значительное преобладаніе въ послѣднее время у тунгусовъ Маньчжуріи ламаитскихъ буркановъ, у маньчжуровъ—китайскихъ, у забайкальскихъ—бурятскихъ русскихъ и др. буркановъ. Неудивительно и то, что наистарѣйшей родовой бурканъ тунгусовъ *малу* тунгусовъ Маньчжуріи связывается ими самими съ даурской системой духовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ перечисленію буркановъ, мнѣ придется остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ судьбы буркановъ, связанныхъ съ уходящими изъ рода женщинами. Здѣсь, на почвѣ законовъ экзогаміи и родового строя вообще, получается рядъ существенныхъ отличій. Если женщина изъ одного рода входитъ въ другой родъ, то она, оставаясь для новаго рода чужеродной, является со своимъ собственнымъ родовымъ духомъ, древнѣйшимъ *малу* бурканомъ, котораго она сохраняетъ до смерти.

Дочь ея, принадлежа къ роду отца, по выходѣ замужъ влечетъ за собою въ чужой родъ также *своихъ* родовыхъ, т. е. рода отца, духовъ, которыхъ постигаетъ та же участь, что и духовъ принесенныхъ ею матерью. Эти духи называются *наджилъ бурканъ*. Во избѣжаніе того, что эти духи, будучи недоброжелательны, начнутъ причинять неприятности женщинамъ и ея дѣтямъ, жертвоприношеніе, молитвы и т. д. обычно является заботою мужа, отца дѣтей, рожденныхъ женщиной принесшей новыхъ чужеродныхъ духовъ. Чтобы имѣть возможность на нихъ воздѣйствовать, дѣлаются вмѣстилища для духовъ (идольчики) въ видѣ или связки деревянныхъ изображеній или картинки, въ которыя духи и вмѣщаются. Это даетъ возможность человѣку въ любой моментъ вызывать духовъ и ихъ локализовать, такъ какъ, не имѣя фиксированнаго мѣста они могутъ вселиться въ человѣка, слѣдствіемъ чего будетъ заболѣваніе (особенно у дѣтей).

Иногда, чтобы избавиться отъ посѣщеній этихъ духовъ ихъ заманиваютъ во вмѣстилища и затѣмъ вмѣстѣ съ вмѣстилищемъ (идольчиками) выбрасываютъ въ рѣку. Иногда же, если женщина пришла безъ вмѣстилищъ и начинаются необъяснимыя болѣзни и несчастья, дѣлаются такія вмѣстилища и она хранитъ ихъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ передача вмѣстилищъ дѣтямъ, которыя обычно стараются ихъ сбыть съ рукъ вмѣстѣ съ духами.

Отдѣльный бурканъ, какъ напримѣръ *аи буркан* или *малу буркан*, не есть единоличный духъ, но каждый изъ буркановъ многоличенъ и снабженъ различными функціями. Поэтому его скорѣе можно опредѣлить, какъ комплексъ объединенный только единымъ понятіемъ. Различныя функція буркана и его высшія проявленія воплощаются въ тѣхъ частностяхъ его, которыя и образуютъ комплексъ, когущій измѣняться въ зависимости отъ знаній людей функціей всего комплекса.

Изъ буркановъ родовыхъ и извѣстныхъ тунгусамъ Маньчжуріи наиболѣе характерны¹⁾ слѣдующіе: *малу*, *аи* и *джиачи*.

¹⁾ Для иллюстраціи я привожу описаніе только нѣкоторыхъ буркановъ.

I. Малу бурканъ. Это древнѣйшій бурканъ или саваки, который одъ названіемъ *наджилъ* уходитъ съ женщинами въ чужой родъ. По утверженію тунгусовъ Маньчжуріи, онъ принесенъ даурами, но ввиду того, что онъ извѣстенъ и забайкальскимъ и амурскимъ и даже якутскимъ тунгусамъ, едва ли это утверженіе можно считать правильнымъ. Состоитъ онъ изъ сложнаго комплекса духовъ: хромоногаго, имѣющаго большую грудь, и ряда другихъ, а также верней и утренней звѣзды, луны и солнца и т. д. Вмѣстилища онъ имѣетъ въ видѣ ряда изображеній людей, животныхъ и небесныхъ свѣтъ. Каждое проявленіе его, представленное мужской и женской собою (въ томъ числѣ и небесныя свѣтила), имѣетъ двѣ *дороги*. Изъ него происходятъ самыя сильныя психическія заболѣванія и особенно часты хроническія заболѣванія глазъ, груди и др. Жертвы ему приносятся періодически.

II. Аи бурканъ. Различаютъ три главныхъ проявленія его: 1) домашній бурканъ, который не покидаетъ семейства и къ другимъ семействамъ не переходитъ; освободиться отъ него невозможно, можно только умиловить; 2) бурканъ селеній, переходящій изъ дома въ домъ; проявленія его: умѣренный жаръ, головная боль; 3) внѣшній, лѣсной бурканъ бываетъ тамъ, гдѣ есть люди. Бурканъ и происхожденія недавняго; по мнѣнію нѣкоторыхъ, имѣетъ всего 2 разновидности¹⁾; медицинское вмѣшательство возможно. Жертвы приносятся только при болѣзняхъ, вмѣстилища дѣлаются изъ бумаги (рисункъ). Онъ имѣетъ верхнюю и нижнюю *дороги*. Вмѣшательство сама по себѣ неэффективно.

III. Джіачи бурканъ является однимъ изъ древнихъ буркановъ, онъ способствуетъ обогащенію рода, если это родовой бурканъ, и семьи, если это семейный. Носимый постоянно при каждой семьѣ, онъ подсказываетъ человѣку, что нужно предпринять. Вмѣстилище для него дѣлается изъ тряпки, на которой прикрѣплены свинцовыя антропоморфныя изображенія. Онъ имѣетъ только одну, юго-западную *дорогу*.

Изъ вышеизложеннаго описанія первыхъ двухъ буркановъ видно, что они въ значительной степени есть одивъ изъ способовъ объясненія нѣкоторыхъ болѣзней инфекціонныхъ и психическихъ. Аи бурканъ, между прочимъ, особенно разработанъ теперь, когда стали образовываться селенія, въ которыя занесены эпидемическія заболѣванія. Трактовка этихъ заболѣваній въ китайскихъ книгахъ съ истинной классификаціей, ставшая извѣстной тунгусамъ, нѣкоторыми изъ послѣднихъ вводится цѣликомъ въ аи бурканъ. Туда же занесены, между прочимъ, тифъ и гастритъ. Поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ жертвоприношеніе и молитва нѣкоторыми считаются безцѣльными, но признается болѣе успешной борьба медикаментами, выгоняющими буркана изъ человѣка. Если же это бываетъ заболѣваніе психическое, то, конечно, вмѣшательство считается медикаментами нецѣлесообразнымъ. Насколько важно опредѣлить какой именно изъ буркановъ причиняетъ вредъ можно видѣть изъ слѣдующихъ

¹⁾ Полный трактатъ по этому вопросу имѣется въ китайской книгѣ, извѣстной нѣкоторымъ маньчжурамъ и тунгусамъ. Китайское названіе ея ввиду топографическихъ условій я, къ сожалѣнію, дать не могу.

фактовъ. Въ одномъ родѣ тунгусовъ Маньчжуріи время отъ времени появляется бурканъ. Онъ вселяется въ одного изъ людей и тотъ начинаетъ свершать злостные и безсмысленные поступки. Такъ, одинъ убилъ своего ребенка, другой разможилъ голову брату своему, третій повѣсилъ, четвертый постоянно бьетъ свою жену и грозитъ ее убить. Если нѣтъ никого, на комъ проявляется такъ рѣзко дѣятельность буркана, то люди начинаютъ болеть разными болѣзнями. До сихъ поръ этотъ родъ не можетъ найти причину этого явленія, опредѣлить какой именно бурканъ вредитъ и родъ рискуетъ погибнуть. Такіе случаи извѣстны весьма широко, и тунгусы обычно находятъ имъ объясненіе въ теоріи буркановъ. Иногда вмѣшательство сильнаго шамана вполне избавляетъ родъ отъ страданія.

IV. Разные бурканы. Чтобы исчерпать вопросъ о бурканахъ, придется еще сказать о мелкихъ бурканахъ и о бурканахъ случайнаго происхожденія.

Многочисленные горные бурканы, бурканы отдѣльныхъ скалъ, розсыпей и проч. частью неизвѣстнаго происхожденія, а частью происшедшіе изъ душъ умершихъ людей неестественной смертью, психически больныхъ и т. п. вселяются въ человѣка или изгоняютъ изъ него душу путемъ испуга. Тогда человѣкъ заболѣваетъ психически и здѣсь можетъ быть примѣнено либо жертвоприношеніе и специальная молитва, либо шаманское дѣйствіе.

Къ этой группѣ можно отнести и духовъ бургузинскихъ тунгусовъ *оджянъ*, которые живутъ своею собственною жизнью, имѣютъ оленей, размножаются и происходятъ отъ ранѣ жившихъ двухъ людей—брата и сестры—бросившихъ часть своихъ дѣтей въ каменные розсыпяхъ. Невниманіе со стороны людей къ нимъ ихъ сердитъ и они мѣшаютъ человѣку въ его начинаніяхъ. Случаются отъ нихъ и психическія заболѣванія.

Изъ буркановъ мало вредныхъ человѣку нужно указать на буркана огня, который, будучи недовольнымъ, можетъ отомстить пожаромъ и который вмѣстѣ съ тѣмъ является покровителемъ хозяина жилища, способствуетъ вароженію богатства его и т. д., а также духовъ, охраняющихъ стадо и другихъ менѣе значительныхъ, какъ духи дверей, жилища и т. п. Большая часть послѣднихъ заимствована отъ маньчжуровъ и китайцевъ вмѣстѣ съ жилищемъ, а иногда и названіями.

Сывэнъ, какъ было сказано, является чисто шаманскимъ духомъ. Представимъ, что эти духи послѣ смерти шамана свободны, т. е. они не состоятъ при какомъ-нибудь *одномъ шаманѣ*. Тогда сывэнъ начинаетъ бродить по членамъ рода, къ которому покойный шаманъ принадлежалъ, и искать для себя вмѣстилища и хозяина. Хозяинъ сывэновъ, шаманъ, принявъ духовъ¹⁾, входитъ съ ними въ постоянную и непосредственную связь и они имѣютъ возможность воздѣйствовать на шамана и заставлять его выполнять ихъ желанія. Точно также и шаманъ можетъ черезъ посредство духовъ дѣйствовать на другихъ духовъ и людей. Когда сывэнъ уже вмѣстился въ шамана, то шаманъ (душа его) начинаетъ обладать *всеми качествами самого сывэна*.

¹⁾ Процессъ принятія духовъ будетъ объясненъ далѣе.

эна. Такъ, если сывэнь можетъ быть въ видѣ птицы, то и шаманъ можетъ дѣйствовать какъ птица, если сывэнь (тотъ же самый) можетъ быть въ видѣ тигра, то и шаманъ можетъ быть въ видѣ тигра и т. д. Для удобства передвиженія, укрывательства отъ враговъ и т. п. шаманъ, какимъ образомъ, вмѣстивъ въ себя умѣющаго превращаться въ животныхъ сывэна, самъ можетъ принимать измѣненія (образы) и вмѣстаться своимъ духомъ въ предметы, людей и животныхъ.

Если сывэнь можетъ видѣть и слышать на разстояніи, то и шаманъ, имѣющій этого сывэна, вмѣстивъ его въ себя, начинаетъ облагать тѣми же качествами, что и сывэнь. Такимъ образомъ и сывэнь заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣть хозяина и шаманъ заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣть сывэна и создается своеобразное сожительство духовъ и людей (духовъ ихъ, душъ) въ оболочкѣ послѣднихъ. Сывэны не всегда являются вмѣщенными въ шамана, но обычно находятся внѣ шамана. Вмѣщаются же они или посвоему собственному желанію или же по призыву шамана—хозяина.

Природа сывэновъ весьма сложна. Какъ и бурканы, одинъ и тотъ же сывэнь, имѣющій пребываніе гдѣ то внѣ физическихъ тѣлъ человѣка, находящійся въ пространствѣ, можетъ избрать одинъ или нѣсколько родовъ мѣстомъ своего пребыванія. Пребываніе его въ одномъ человѣкѣ или нѣсколькихъ людяхъ, можетъ быть временнымъ, краткимъ или длительнымъ, но онъ все таки постоянно будетъ возвращаться въ одинъ и тотъ же родъ.

Въ одинъ родъ сывэнь можетъ являться въ одномъ видѣ или нѣсколькихъ видахъ, въ другой родъ въ другомъ или другихъ видахъ, а такъ какъ каждый сывэнь, какъ и бурканы, если комплексъ духовъ или ихъ выявленій, то каждый сывэнь можетъ дать нѣсколько разновидностей по родамъ. Это и будутъ специально родовые сывэны. Они переходятъ отъ шамана къ шаману даннаго рода, который они никогда не покидаютъ (пока въ родѣ помнятъ о существованіи этого духа).

Кромѣ родовыхъ сывэновъ могутъ быть и инородные—*дона*.

Достаточно какому-либо духу, буркану, напримѣръ, вселиться въ человѣка и вызвать аналогичныя послѣдствія вселенія сывэна, какъ и самъ дѣлается сывэномъ шамана и его уже не покидаетъ, при этомъ сывэны *дона* могутъ быть у шамана внѣ зависимости отъ націи родовыхъ сывэновъ. Такимъ образомъ, сывэномъ *дона* иногда дѣлается одинъ изъ буркановъ. Напримѣръ, бурканъ скаль, вселяется въ шамана и подчиняется послѣднему. Онъ можетъ быть переданъ наследникамъ шамана, а можетъ и уйти совершенно.

Вслѣдствіе указанныхъ особенностей сывэновъ, движеніе и измѣненіе ихъ состава происходитъ постоянно и по тѣмъ же путямъ, какъ и движеніе и измѣненіе состава буркановъ. Количество сывэновъ подвержено, такимъ образомъ, значительнымъ колебаніямъ особенно въ послѣдствіе ознакомленія съ сывэнами другихъ народовъ. Такъ среди *очко*—шаманскихъ духовъ у манджуровъ—встрѣчаются тунгусскіе, даркскіе и монгольскіе, а среди тунгусскихъ специально якутскіе и т. д.

Что касается вмѣстилищъ для сывэновъ и ихъ *дорогъ*, то сюда можетъ быть отнесено все то, что было уже сказано о вмѣстилищахъ и

дорогахъ буркановъ съ тою разницею, что сывэнъ главнымъ своимъ вмѣстилищемъ имѣеть самого хозяина-шамана и нуждается въ немъ, какъ въ постоянномъ вмѣстелищѣ. Поэтому у шамановъ обычно бываетъ только одинъ или два вмѣстелища для его главнаго (обычно это первый пришедшій въ него духъ или родовой) сывэна, который пребываетъ постоянно во вмѣстелищѣ и такимъ образомъ постоянно остается при шаманѣ. Такими вмѣстелищами бывають части шаманскаго костюма и привѣски на немъ, связки деревянныхъ изображеній людей, животныхъ и т. п. вродѣ *малу бурканъ* или же, наконецъ, какъ это обязательно бываетъ у манджуровъ, особыя картины, на которыхъ изображены всѣ *вочко*, съ которыми имѣеть дѣло или можетъ имѣть дѣло данный шаманъ. Поэтому, между прочимъ, почти не бываетъ совершенно одинаковыхъ костюмовъ, одинаковыхъ вмѣстелищъ и шаманскихъ картинъ. Къ этому вопросу мнѣ придется возвратиться еще разъ далѣе.

Вслѣдствіе указанныхъ особенностей сывэновъ и распредѣленія ихъ по родамъ, а также естественной забывчивости людей *системы сывэновъ* постоянно измѣняются и различаются не только по отдѣльнымъ родамъ, но и по отдѣльнымъ шаманамъ, особенно когда шаманъ имѣеть сывэновъ *дона*, но въ то же самое время нѣкоторые сывэны оказываются общими ряду народностей живущихъ по сосѣдству. Поэтому составленіе изслѣдователемъ системъ сывэновъ для каждаго хозяина въ отдѣльности весьма важно, такъ какъ дастъ возможность впослѣдствіи опредѣлить съ какими народностями непосредственно и косвенно сталкивался данный народъ и какія вліянія онъ испыталъ на себѣ. Безъ детальнаго же анализа этнографическихъ особенностей каждаго сывэна выдѣленіе цѣлыхъ системъ шаманскихъ духовъ съ отнесеніемъ ихъ къ той или иной народности едва ли возможно и даже цѣлесообразно, такъ какъ такая схематизація неизбежно должна привести къ искусственному построению, подобному тѣмъ искусственнымъ построениямъ, которыя были произведены антропологами по отношенію къ соматическимъ признакамъ отдѣльныхъ народностей¹⁾.

Для цѣлей настоящаго „Опыта“ ни составленіе системы, ни анализъ особенностей каждаго сывэна въ отдѣльности не требуется, а поэтому я въ дальнѣйшемъ остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ сывэновъ и ихъ этнографическихъ особенностяхъ.

I. Малу-сывэнъ. У каждаго шамана обязательно бываетъ *малу-сывэнъ* будь то родовой шаманъ, къ которому *малу* идетъ обязательно, какъ родовой сывэнъ, будь то неродовой шаманъ, который ввиду могущества этого сывэна старается его имѣть при себѣ. Какъ и всѣ родовые сывэна, *малу* самъ никакого зла роду не причиняетъ, но его

¹⁾ Правда, въ отношеніи этнографическихъ явленій дѣло обстоитъ благоприятнѣе, такъ какъ отдѣльная этнографическая особенность можетъ быть точнѣе изслѣдована въ отношеніи своего генезиса и развитія, особенно сравнительно лингвистическихъ и сравнительно этнографическимъ методами, чѣмъ отдѣльныя соматическія особенности народностей, законы измѣненія которыхъ еще неизвѣстны. Хотя сравнительные методы оставляють большое поле для произвола авторовъ, но пользование ими при извѣстной осторожности можетъ дать результаты, которыми при повѣркѣ ихъ другими методами можно пользоваться для дальнѣйшихъ обобщеній, если, конечно, таковыя уже не даны, какъ опредѣляющій моментъ хода самого наблюденія и изслѣдованія.

индифферентизмъ даетъ возможность другимъ сывэамъ и духамъ вообще причинять зло и болѣзни. *Малу*, по мнѣнію однихъ, заимствованъ отъ дауровъ, а по мнѣнію другихъ, былъ древне-тунгусскимъ родовымъ духомъ и у нѣкоторыхъ сохранился полностью, а у другихъ только частью. Такъ у тунгусовъ сѣверо-маньчжурскихъ¹⁾ въ настоящее время *малу* существуетъ лишь въ половинномъ составѣ, такъ какъ вся мужская половина выявленій (эффектовъ) его вернулась на сѣверъ и отсутствуетъ, въ то время какъ у другихъ, болѣе сѣверныхъ тунгусовъ, сохранилась мужская половина. Поэтому у *малу* имѣется только одна полуночная *дорога*, являющаяся *дорогою женской*. Одинъ изъ родовъ бирарскихъ имѣетъ *малу* въ составѣ слѣдующихъ выявленій: двухъ женщинъ, двухъ лицъ безъ тѣла, двухъ половинчатыхъ людей, двухъ миѣическихъ существъ съ 9 головами, якутовъ 9 антропоморфныхъ существъ, 2 птицъ, 2 драконовъ, 2 одноногихъ людей, 2 лѣстницъ, 2 людей съ большой грудью и 2 мостиковъ. Эти выявленія вмѣщаются въ, соответствующія названіямъ ихъ, вмѣстилища, которыя дѣлаются изъ дерева, но могутъ быть, напримеръ у амурскихъ тунгусовъ, сдѣланы также изъ мѣди и желѣза. Размѣры ихъ и внѣшняя форма варьируются. Варьируется и составъ въ зависимости отъ рода, такъ у другихъ родовъ можетъ быть вмѣсто однихъ другія выявленія и бываютъ дополнительныя: ящерицы, черепахи и т. д.

Ввиду того, что *малу* имѣетъ звѣроподобныя выявленія, онъ можетъ служить и способомъ превращеній для шамана. Если въ составѣ сывэна есть, допустимъ, змѣя, то шаманъ (душа его) можетъ, вмѣстивъ въ себя сывэна, передвигаться въ образѣ змѣи.

Одною изъ формъ *малу* является и *наджилъ сывэнъ*, подобно тому какъ *наджилъ бурканъ* есть только форма *малу буркана*. Очевидно, что *наджилъ сывэнъ* приходитъ и остается съ женщинами. Впрочемъ, по существу разницы съ *малу* здѣсь нѣтъ и если существуетъ такое наименованіе, то оно указываетъ лишь на путь черезъ женщинъ, по которому пришелъ *малу*.

Для примѣра я укажу только на нѣкоторыя особенности внѣшнихъ проявленій вхожденія въ шамана отдѣльныхъ выявленій *малу*. Когда приходитъ одноногий, то шаманъ прыгаетъ на одной ногѣ, когда приходитъ большой грудью,—шаманъ кашляетъ и т. д. Другія выявленія этого сывэна даютъ возможность шаману, вмѣстившему сывэна въ себя, преодолевать препятствія въ видѣ воды (идеть рыбою), маленькихъ тѣчекъ (перебрасывается мостикомъ), а также многое узнавать, благодаря древности, знанію и опытности нѣкоторыхъ выявленій его.

Обычнымъ, любимымъ мѣстопробываніемъ *малу* считаются высокія сопки, заросшія ползучимъ кедровникомъ. У различныхъ родовъ эти мѣста находятся въ различныхъ частяхъ нынѣ занимаемой ими территоріи и даже внѣ ея. Напримеръ, одинъ изъ родовъ бирарскихъ указываетъ мѣстопробываніе своихъ родовыхъ сывэновъ близъ озера Ханка²⁾, гдѣ этотъ родъ раньше жилъ и быть можетъ тамъ ихъ приобрѣлъ.

¹⁾ Хинганскіе (по хребту Большой Хинганъ), кумарскіе (такъ называемые, маньчжурскіе) и бирарскіе (по названію ихъ управленія, такъ называемые бирары).

²⁾ Оз. Ханка находится большею частью своею въ предѣлахъ Южно-Уссурийскаго Края, т. е. приблизительно въ 600—700 верстахъ отъ бирарскихъ.

При жертвоприношеніи постоянныя вмѣстителища вѣщаются на особое специально сдѣланное приспособленіе изъ жердей.

II. **Кайдун сывэнъ.** Къ родовымъ сывэнамъ относится также *кайдун сывэнъ*.

Кайдунъ имѣеть слѣдующія выявленія: первое,—5 людей и 5 птицъ, 2 дракона и 2 дерева—верхняя дорога, полуденная и второе,—4 человѣка и 4 птицы 2 дракона и 2 дерева—нижняя дорога, полуночная. Во время вызова духовъ (камланіе) протягивается веревка, шнуръ, по которой и приходитъ духъ. Этотъ сывэнъ бываетъ далеко не у каждаго рода, но если вслѣдствіе, напримѣръ, удара грома или болѣзни оказывается необходимымъ привлечь *его*, тогда онъ можетъ сдѣлаться родовымъ сывэномъ.

III. **Другіе сывэны.** *Сера джерги* и *джерга дарыль* также родовые сывэны. Первый имѣеть три дороги и выявленія: 9 маленькихъ людей, 5 птицъ и 2 дракона, но обозначеній по поламъ не имѣеть; второй совершенно подобно кайдун сывэнъ.

Къ родовымъ сывэнамъ относится также незначительный *адар сывэнъ*, имѣющій женскую дорогу, ночную и *кароль сывэнъ*, имѣющій одну мужскую, дневную дорогу. Послѣдній играетъ большую роль для шамановъ; ему жертвъ не приносятъ, но если отъ него умираетъ человѣкъ, то изъ костей покойника дѣлають постройку вродѣ шалаша, а изъ черепа чашу. Этого духа шаманы боятся и приходитъ онъ рѣдко.

IV. **Сывэны дона.** Опуская перечисленіе дорогъ и отдѣльныхъ выявленій сывэновъ *дона* я обращаюсь къ перечисленію наиболѣе извѣстныхъ изъ нихъ. Какъ было сказано, таковыми могутъ оказаться всѣ бурканы и духи.

Поэтому есть *аи дона сывэнъ*, который бываетъ въ тѣхъ же случаяхъ когда и бурканъ, есть заимствованный у манджуровъ сывэн оспы, къ которому примыкаетъ *ламалайченъ*, т. е. сывэнъ ламъ, духъ пришедшій отъ ламаитовъ вмѣстѣ съ названіемъ.

Интересно также отмѣтить сывэна вѣтра и вихря¹, который даетъ возможность шаману идти вихремъ и *ниргыр сывэнъ*—сывэна бури²).

Вмѣщеніе въ человѣка *ангна сывэнъ* вызываетъ тупоуміе; *джагдар сывэнъ* не боится огня, а поэтому шаманъ вмѣстивъ его въ себя можетъ руками разгребать угли, лизать желѣзо и т. д.; особенно хорошо его знаютъ даурскіе шаманы и вызываютъ его на помощь въ случаѣ долго незаживающихъ раненій; *Сунусун сывэнъ* называется по имени вѣкогда жившаго шамана, душу котораго сывэны не отпустили въ загробный міръ и онъ сталъ самъ вселяться въ людей, оказывалъ шаману помощь своими знаніями, а также выявленіями въ видѣ дѣтей и женщинъ, что позволяетъ шаману проникать въ мѣста, куда трудно пройти незамѣченному въ другомъ видѣ.

Особенно богатъ животными выявленіями *Кадар сывэнъ*, скаль сывэнъ, а именно, имѣются выявленія: журавля, кукушки, тигра, мед-

1) Сывэнъ вѣтра, грома, бури и т. д. отнюдь не есть духъ этихъ явленій природы.

2) Пришедшій отъ дауровъ и сохранившій даже названіе даурскаго рода откуда онъ вышелъ.

бѣдя, хорька, выдры, змѣи, ящерицы и др., но не бываетъ орла, коршуна, совы и другихъ хищниковъ, а также козули и лося.

Если родовой шаманъ уже имѣется, то сывэнь *дона* можетъ войти въ какого-нибудь челоѵка послѣ чего тотъ дѣлается шаманомъ. Особенно много женщинъ шамановъ, получившихъ сывэновъ изъ группы *дона*, а изъ послѣдней, именно, *кадар-сывэна*. Всѣ сывэны заимствованные у сосѣднихъ народностей, такимъ образомъ, проходятъ стадію *дона* и сохраняютъ свои особенности, пока люди помнятъ ихъ происхожденіе. Такимъ образомъ, иногда оказывается, что сывэнь не умѣетъ говорить на языкѣ народа, къ которому принадлежитъ шаманъ и онъ, шаманъ, когда въ него входитъ сывэнь, вынужденъ говорить на языкѣ сывэна. Поэтому часто во время кампанія шаманъ бвынки начинаетъ говорить по якутски, по даурски, по манджурски и по китайски, а шаманъ манджуръ очень часто говорить по китайски и по монгольски. Этимъ также объясняется изобиліе чужихъ и непонятныхъ словъ, иногда просто исковерканныхъ до неузнаваемости, которыя встрѣчаются въ обращеніяхъ къ духамъ и которыя совершенно непонятны слушателямъ. Къ таковымъ относятся также древнія слова и припѣвы, значенія которыхъ никто объяснить не можетъ. Языкъ сывэновъ, между прочимъ, можетъ служить однимъ изъ вѣрныхъ способовъ установленія происхожденія духовъ.

У нѣкоторыхъ шамановъ бываютъ иногда въ качествѣ сывэновъ семейные бурканы, которые передаются внутри семьи и дѣлаются, такимъ образомъ, какъ бы *семейными сывэнами*.

Чтобы закончить о сывэнахъ замѣчу еще, что шаманы къ нимъ относятся различно и однихъ изъ нихъ считаютъ умными, образованными, много видѣвшими и знающими, къ помощи которыхъ они любятъ прибѣгать, другихъ же считаютъ малообразованными, къ помощи которыхъ прибѣгать не любятъ и называютъ ихъ и тѣхъ и другихъ особыми терминами.

Система шаманскихъ духовъ—*вочко*¹⁾, *вэчку*²⁾ *вэчин*³⁾ у манджуровъ нѣсколько отличается отъ системы духовъ у остальныхъ тунгусовъ. Существенное отличіе ея заключается въ томъ, что *вочко* не являются такими комплексами, какъ у другихъ тунгусовъ и у каждаго изъ нихъ есть свое, строго фиксированное мѣсто. Второй особенностью является то, что системы *вочко* въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ измѣняются и наполняются *новыми* духами, инороднаго происхожденія. Третьей особенностью является переходъ изъ предковъ, называемыхъ, какъ это было видно, также *вочко*, отдельныхъ духовъ въ видѣ *шаманскихъ вочко* и даже больше того,—въ нѣкоторыхъ родахъ предки сами могутъ входить въ людей и создавать такимъ образомъ шамана, вслѣдствіе чего, установить рѣзкую грань между чисто *шаманскими вочко* и *родовыми предками вочко* оказывается невозможнымъ, въ то время какъ у другихъ тунгусовъ разработаннаго культа предковъ совершенно не существуетъ. Кроме

1) Въ разговорномъ языкѣ.

2) Въ литературномъ языкѣ, каждый духъ отдѣльно.

3) Въ литературномъ языкѣ, всѣ духи вмѣстѣ.

того, шаманскіе духи манджуровъ всегда бывають изображены на особыхъ картинахъ мастерами акварелистами и у каждаго рода имѣется своя собственная система, въ составъ которой помимо вочко общихъ всѣмъ шаманамъ входятъ также предки шаманы, ставшіе вочко послѣ смерти.

Точно также, какъ и у другихъ тунгусовъ, въ числѣ вочко имѣется нѣкоторое количество духовъ китайскихъ, монгольскихъ и особенно тунгусскихъ народностей, сосѣднихъ съ манджурами. Въ значительномъ числѣ заимствованы духи и отъ ламаитовъ. Поэтому манджурскіе шаманы постоянно пользуются языками¹⁾ народностей, отъ которыхъ взяты вочко. Манджурскіе вочко имѣютъ свои дороги подъ названіемъ вѣтерныхъ и дневныхъ, при чемъ первыя являются женскими, а вторыя мужскими.

Этихъ общихъ замѣчаній достаточно, чтобы перейти къ описанію и перечисленію вочко. Для примѣра я возьму одну изъ системъ, при чемъ взятая система во всѣхъ отношеніяхъ является типичной.

Вочко рода Вуджяла (новоманджуры):

- 1) старый учитель шаманъ,—духъ шамана, ставшій вочко.
- 2) тигръ шаманъ,—по имени шамана.
- 3) огня вочко,—когда вмѣщается въ шамана, то шаманъ безъ опасности для себя можетъ лизать горячее желѣзо и т. д.
- 4) вочко тигры, змѣи, лисицы, волки, медвѣди и т. д.
- 5) военачальникъ вочко,—самый первый шаманъ, одинъ изъ важнѣйшихъ вочко.
- 6) хромоногий братъ,—помогающій при перевозкѣ черезъ рѣку въ міръ мертвыхъ.
- 7) соколъ вочко.
- 8) старый хозяинъ вочко.
- 9) аджуланъ вочко,—помогаетъ дѣтямъ.
- 10) группа богатырей вочко.
- 11) группа женскихъ вочко (2—3).
- 12) нейбунту вочко,—приноситъ счастье²⁾.

Всѣ вочко раздѣляются на ряды, количество которыхъ варьируется въ зависимости отъ рода отъ 10 до 15 и болѣе. Каждый рядъ имѣетъ *главнаго вочко*, по имени котораго и называется рядъ. По отношенію къ нему остальные вочко являются подчиненными. Во главѣ же всѣхъ *главныхъ вочко*, стоитъ ихъ такъ сказать, шефъ. У каждаго вочко есть свое собственное мѣсто въ ряду.

По происхожденію вочко, можно раздѣлить на: 1) бывшихъ шамановъ рода, 2) вочко заимствованныхъ отъ другихъ народностей, 3) животныхъ вочко, 4) богатырей вочко и 5) основателей шаманства.

Первая группа, конечно, постоянно возрастаетъ и измѣняется, такъ какъ по мѣрѣ появленія новыхъ шамановъ—вочко воспоминаніе о болѣе древнихъ ослабѣваетъ. Вторая группа также измѣняется, что зависитъ отъ знаній шамана о вочко другихъ народностей. Третья группа болѣе или менѣе постоянна и цѣликомъ служитъ для превращеній шамана, точнѣе—для того, чтобы духъ шамана могъ вселяться

¹⁾ Владѣя другими тунгусскими языками лишь въ исключительныхъ случаяхъ, манджурскіе шаманы при вмѣщеніи тунгусскихъ вочко произносятъ только прицѣвы и отдѣльныя слова.

²⁾ Происходитъ отъ эндури.

въ эти выявленія вочко. Четвертая группа вочко отличается энергіей, безстрашіемъ передъ болью и огнемъ, силою, смѣлостью и т. д. Значительная часть ихъ вмѣстѣ съ названіемъ заимствована отъ китайцевъ. Пятая группа по составу своему постоянна и у всѣхъ шамановъ одинакова. Самый старый вочко жилъ въ видѣ человѣка въ періодъ минской династіи, т. е. во времена, къ которымъ у манджуровъ вообще относятся много мифическихъ событій.

Любопытно отмѣтить, что китайскіе вочко довольно подробно извѣстны и по именамъ и по своимъ свойствамъ (китайскій языкъ манджурамъ хорошо извѣстенъ), а вочко другихъ тунгусовъ называются общимъ именемъ *килин вочко* и обозначаются по номерамъ, при чемъ ихъ индивидуальныя особенности мало извѣстны (языки этихъ народовъ мало извѣстны манджурамъ).

Между системами вочко старо и ново-манджуровъ¹⁾ существуетъ разница, а именно, у вторыхъ имѣется особый, дѣсной главный вочко со своими подчиненными.

Въ качествѣ особенности старо-манджуровъ можно отмѣтить также наличіе у нѣкоторыхъ родовъ духовъ родовыхъ (предковъ), которые входятъ въ шамана совершенно подобно шаманскимъ вочко, вызывая тѣ же эффекты и играя роль, соотвѣтствующую шаманскимъ духамъ. Роль шамана въ этомъ случаѣ играетъ родовой жрецъ, называемый также шаманомъ. Этотъ переходъ отъ родовыхъ вочко къ чисто шаманскимъ весьма интересенъ, такъ какъ даетъ нѣкоторыя основанія для гипотезъ о развитіи системъ духовъ у манджуровъ и быть можетъ даже происхожденія ихъ²⁾.

Такимъ образомъ провести грань между *большими шаманами*³⁾ и родовыми не представляется возможнымъ. Правда, у ново-манджуровъ родовые жрецы при жертвоприношеніи даже не поютъ и не можетъ быть мѣста для развитія настоящаго шаманства на этой почвѣ, но быть можетъ родовое жертвоприношеніе и жречество у этой группы манджуровъ по сравненію со староманджурами находится въ состояніи недоразвитія.

Функции дорогъ вечерней и дневной, также какъ и у другихъ тунгусовъ, раздѣлены. Вечернія дороги преимущественно приносятъ болѣзни, а дневныя приносятъ охрану роду и отдѣльнымъ членамъ его, въ томъ числѣ и шаману.

Чтобы закончить о вочкѣ, придется сказать еще нѣсколько словъ спеціально о китайцахъ—шаманахъ и ихъ духахъ. Система шаманскихъ духовъ у китайцевъ⁴⁾ почти не отличается отъ системъ

¹⁾ Манджуры дѣлятся на старо-манджуровъ, монголь-манджуровъ и ново-манджуровъ, при чемъ въ послѣднюю группу включаютъ они сами уссурійскихъ, амурскихъ и сунгарійскихъ гольдовъ.

²⁾ Впрочемъ наличіе такихъ родовыхъ вочко, которые оказываются по особенностямъ своимъ подобными шаманскимъ, можетъ быть объяснено также и тѣмъ, что у родовъ (прямое указаніе мнѣ извѣстно только по отношенію одного рода), имѣющихъ такихъ духовъ, эти духи произошли отъ нѣкогда жившихъ, выдающихся шамановъ.

³⁾ Переводъ съ манджурскаго.

⁴⁾ Подъ китайцами здѣсь я разумѣю китайцевъ по происхожденію, живущихъ издавна среди манджуровъ и входящихъ въ восьмизнаменную военную организацію манджуровъ. Они говорятъ на китайскомъ языкѣ, но въ отношеніи культурномъ близко подходятъ къ манджурамъ:

маньчжурскихъ шаманскихъ духовъ. Въ нихъ больше преобладаетъ, конечно, элементъ чисто китайскихъ духовъ, но также какъ и въ другихъ системахъ есть въ значительномъ числѣ духи чисто маньчжурскіе, тунгусскіе и др. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ существуетъ полное подобіе маньчжурскимъ системамъ духовъ.

Чтобы въ дальнѣйшемъ не возвращаться къ вопросу о спеціально китайскомъ шаманствѣ въ Сѣверной Маньчжуріи замѣчу также, что въ отношеніи костюма, ритуала и т. д. китайцы-шаманы почти подобны маньчжурскимъ шаманамъ. Вопросъ о происхожденіи шамановъ-китайцевъ съ этой части Маньчжуріи этими замѣчаніями я не предрѣшаю. Судя по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ о шаманахъ въ провинціи Шан-дун и въ другихъ чисто китайскихъ мѣстностяхъ, можно предположить, что китайское шаманство въ Сѣверной Маньчжуріи не китайскаго происхожденія. Вліяніе же китайскаго элемента на маньчжурское шаманство, какъ было видно, весьма значительно, что вполнѣ повято ввиду культурной зависимости маньчжуровъ отъ Китая. Установленіе же происхожденія шаманства въ этихъ странахъ у указанныхъ народностей, я полагаю, можетъ быть дѣломъ только будущаго¹⁾.

III. Шаманскіе принадлежности, костюмъ и ритуаль.

Костюмъ и шаманскія принадлежности, говоря вообще, имѣютъ большое значеніе въ шаманствѣ. Составъ костюмовъ и принадлежностей подверженъ значительнымъ варіаціямъ. Вѣроятно, такъ было и раньше, но въ настоящее время одной изъ основныхъ причинъ измѣненій состава и сравнительнаго об'ѣднѣнія костюма и принадлежностей является почти повсемѣстное преслѣдованіе внѣшнихъ проявленій шаманства, что заставляетъ шамана мало по малу отказываться отъ внѣшнихъ знаковъ своей профессіи. Къ этому вопросу я вернусь далѣе болѣе подробно. Разсматривая современное состояніе шаманскаго костюма и принадлежностей, приходится учитывать то, что современное ихъ состояніе не есть результатъ нормальной эволюціи.

У различныхъ тунгусскихъ народностей шаманскіе костюмы различны; такъ напримѣръ, въ Забайкальской области можно намѣтить три основныхъ типа костюмовъ: костюмъ—птица сѣверныхъ баргузинскихъ и нерчинскихъ тунгусовъ и у нихъ жу костюмъ—изюбрь (у большихъ шамановъ) третій,—это костюмъ южной группы кочевыхъ тунгусовъ (скотоводовъ) по типу своему значительно приближающийся къ костюмамъ бурятъ Забайкальской области; въ Маньчжуріи шаманскіе костюмы у всѣхъ тунгусовъ, кромѣ маньчжуровъ, почти подобны и различаются лишь деталями, но костюмъ шамановъ—маньчжуровъ совершенно отличенъ и въ зависимости отъ рода пред-

¹⁾ Что касается китайскихъ указаній, относящихъ я къ маньчжурамъ времени Цзинской Династіи (тунгусской) въ Китай, то на основаніи этихъ данныхъ нельзя установить идетъ ли рѣчь о родовыхъ жрецахъ или шаманахъ собственно.

ставляет рядъ вариантовъ. Къ послѣднему примыкаетъ костюмъ китайцевъ—шамановъ, а къ предыдущему костюмъ дауровъ¹⁾

Костюмы всѣ ъвычки носятъ черты примитивнаго тунгусскаго костюма. Такъ, на примѣръ, жакетообразные кафтаны лишены воротниковъ, у нѣкоторыхъ народностей сохранились передники и т. д. Костюмъ-птица баргузинскихъ и нерчинскихъ тунгусовъ изображаетъ птицу,—выявленіе одного изъ главныхъ шаманскихъ духовъ. Костюмъ снабженъ желѣзными подвѣсками и бахромой, символизирующими скелетъ и опереніе птицы.

Состоитъ онъ изъ кафтана, передника, штановъ, наголенниковъ, обуви и шапки, сдѣланныхъ изъ замши. При костюмѣ должно быть обязательно китайское мѣдное зеркало. Соответственно отличается костюмъ—изюбрь, на шапкѣ котораго имѣются желѣзные рога²⁾ а отдѣльные подвѣски символизируютъ скелетъ изюбря. Этотъ костюмъ дѣлается обязательно изъ шкуръ изюбря.

Костюмъ кочевыхъ тунгусовъ Забайкалья есть сложная комбинація птицы и изюбря и имѣетъ жезлы, изображающіе ноги лошади или изюбря.

Интересенъ рядъ подвѣсокъ, символизирующихъ лодки, остроги, сабли и другія орудія, которыми шаманъ пользуется во время своихъ путешествій, а также изображенія птицъ и животныхъ, въ которыя вмѣщаются духи.

Костюмъ манджурскихъ ъвычки проще. Онъ не имѣетъ такого количества подвѣсокъ, но за то снабженъ большимъ числомъ (до 30) китайскихъ зеркалъ различнымъ размѣровъ (до 30-35 сантиметровъ въ діаметрѣ) и имѣетъ вмѣсто желѣзныхъ деревянныя изображенія кукушекъ, въ которыя вмѣщаются сывены. Шапки этихъ ъвычки есть точная копія шапокъ одного изъ буддъ.

Манджурскій шаманскій костюмъ состоитъ изъ кафтана, обычно изъ красной матеріи, съ орнаментомъ вокругъ шеи и по плечамъ и прикрѣпленными мѣдными зеркалами; шапки, снабженной большими мѣдными птицами (отъ одной до пяти штукъ) или желѣзными рожками; особаго пояса, къ которому прикрѣплены на широкомъ кускѣ кожи большія конусообразныя желѣзныя погремушки; юбки съ разрѣзами по бокамъ и ряда мелкихъ принадлежностей.

У отдѣльныхъ группъ перечисленныхъ народностей костюмы даютъ варіаціи и больше того: у каждаго шамана есть свои особенности въ костюмѣ, что объясняется тѣмъ, какіе именно духи ему подчинены. Подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, преслѣдованія отдѣльныхъ части костюма могутъ отпадать. Такъ на примѣръ, забайкальскіе шаманы иногда ограничиваются, и это является минимумомъ, только однимъ большимъ китайскимъ зеркаломъ, которое вѣшается на грудь, манджуры же сохраняютъ только юбку и поясъ съ подвѣсками и т. д.

Къ костюму же можно отнести и бубень, безъ котораго шаманить безусловно нельзя. Бубны также весьма разнообразны по формѣ и размѣрамъ. Начиная отъ большихъ съ резонаторами, яйцевидной

¹⁾ Шаманскій костюмъ гольдовъ ближе стоитъ къ манджурскому, что вполне понятно, такъ какъ сами манджуры гольдовъ считаютъ ново-манджурами.

²⁾ Раньше рога дѣлались изъ настоящихъ роговъ изюбра, одну такую шапку мнѣ удалось видѣть.

формы (у Забайкальскихъ), они доходятъ до маленькихъ, совершенно круглыхъ съ узенькимъ ободкомъ (у манджуровъ), при чемъ размѣры ихъ колеблются отъ 40 до 90 сантиметровъ въ діаметрѣ.

У шаманскаго костюма иногда бываетъ свой духъ охранитель изъ числа шаманскихъ духовъ, но по смерти хозяина костюма во всякомъ случаѣ одинъ изъ подчиненныхъ ему духовъ остается при костюмѣ. Костюмъ сохраняется обычно въ родѣ и переходитъ къ слѣдующему шаману вмѣстѣ съ духами. Уничтоженіе костюма существеннаго вреда ни шаману ни духамъ не причиняетъ¹⁾, такъ какъ онъ можетъ быть лишь отчасти вмѣстилищемъ для духовъ, не имѣя болѣе значительныхъ назначеній и качествъ.

Шаманскія принадлежности также различны, какъ и костюмы. Такъ напримѣръ, у забайкальскихъ тунгусовъ онѣ дѣлаются каждый разъ особо и то изображаютъ плоты (изъ рыбъ), то животныхъ, то людей. Это вмѣстилища. Изъ принадлежностей тунгусовъ Манджуріи необходимо отмѣтить *дороги*, которыя символизированы длинными (во много метровъ) ремнями или веревками съ нанизанными въ вѣсколькихъ мѣстахъ цвѣтными бусами. Какъ и у забайкальскихъ тунгусовъ, у нихъ дѣлается для каждаго камланія особо рядъ вещей изъ дерева. У манджуровъ же помимо дѣлаемыхъ на каждое камланіе вещей, имѣются постоянныя желѣзныя конья, трезубцы, сабли и др. оружіе, съ помощью котораго борются духи-богатыри, а также большихъ размѣровъ деревянныя изображенія рыбъ и птицъ. Подобно связкамъ вмѣстилищъ для духовъ малу у другихъ тунгусовъ, у манджуровъ бываютъ картины.

Такъ какъ въ костюмѣ и принадлежностяхъ пребываютъ, хотя бы временно, шаманскіе духи, то небрежное обращеніе съ этими вещами недопустимо. Духъ, будучи обезпокоенъ, можетъ покинуть костюмъ и вселиться въ когонибудь изъ людей. Поэтому всегда принимаются нѣкоторыя предосторожности. Такъ напримѣръ, костюмомъ въ присутствіи больныхъ дѣтей не шумятъ и не трогаютъ его, но если опасности быть не можетъ, то считается допустимымъ, хотя старики этого и не любятъ, играть бубномъ, не имѣя ввиду сознательно привлечь вниманіе духовъ. Если костюмъ становится очень ветхимъ, или ненужнымъ, вслѣдствіе прекращенія дѣятельности шамана, то его не уничтожаютъ, но относятъ въ лѣсъ и тамъ вѣшаютъ на дерево. Если шаманъ умираетъ, то костюмъ его иногда вѣшается близъ могилы и и черезъ нѣкоторое время духи покидаютъ костюмъ окончательно.

Новый костюмъ сооружается на средства всего рода, такъ какъ затраты на сооруженіе его весьма значительны, — иногда на костюмъ бываетъ до 2 пудовъ мѣдныхъ зеркалъ. Кромѣ того, выдѣлка желѣзныхъ частей, кожъ, украшеній и т. п. требуетъ также много работы. У манджуровъ костюмъ шьютъ пожилыя вдовы и молодыя дѣвушки, вообще женщины не имѣющія уже менструацій и съ манджурской точки зрѣнія являющіяся *чистыми*. Когда костюмъ сооруженъ, то шаманъ его надѣваетъ безъ особыхъ процедуръ; впрочемъ, иногда этому сопутствуетъ родъ торжества съ жертвоприношеніемъ шаманскимъ духамъ. Замѣна отдѣльныхъ частей шаманскихъ принадлежностей и

¹⁾ Уничтоженіе костюмовъ нѣкоторыми миссіонерами, кромѣ матеріальнаго ущерба, собственнику ничего не причиняетъ.

костюма также возможна и въ этомъ случаѣ обновленіе ихъ можетъ произойти постепенно.

У нѣкоторыхъ шамановъ можетъ быть и два костюма, старый и новый, но у забайкальскихъ тунгусовъ бываетъ и такъ, что шаманъ имѣетъ костюмъ—птицу и костюмъ—изюбря, такъ какъ не всякое камланіе возможно въ костюмѣ—птицѣ.

Шаманскій ритуаль, способы жертвоприношенія, обращенія къ духамъ и т. д. представляютъ такія же различія, какъ и системы духовъ и костюмы. Существуетъ рядъ пріемовъ, которые приняты всѣми тунгусами. Къ таковымъ относятся: установленные способы закланія жертвенныхъ животныхъ, при которыхъ нельзя проливать на землю кровь, гаданіе при помощи колотушки и др. Въ отношеніи возстановленія исторіи и происхожденія шаманства изученіе ритуала представляетъ значительный интересъ. Такъ напримѣръ, всѣ виды дневного камланія у забайкальскихъ тунгусовъ требуютъ въ качествѣ жертвеннаго животного барана, т. е. животное, которое сами тунгусы не разводятъ (оленные), а камленіе ночное требуетъ оленя. Въ первомъ случаѣ всѣ вещи необходимыя при камланіи дѣлаются въ количествѣ кратномъ тремъ и девяти, а во второмъ случаѣ въ количествѣ кратномъ четыремъ. Это можетъ отчасти указывать на то, что первый ритуаль камланія заимствованъ отъ монгольскихъ народностей, у которыхъ имѣется баранъ, а число девять играетъ значительную роль въ шаманствѣ. Въ качествѣ жертвеннаго животного у нѣкоторыхъ родовъ манджуровъ раньше употреблялась собака, а у другихъ—барсукъ, впоследствии замѣненная свиньей. Для нѣкоторыхъ сывэновъ у тунгусовъ Манджурии въ качествѣ жертвеннаго животного употребляются неизвѣстныя въ обиходѣ бродячаго охотника куры и свиньи, добыть которыя въ тайгѣ иногда представляетъ значительное затрудненіе, что можетъ указывать на заимствование этого ритуала отъ народностей, имѣющихъ куръ и свиней, т. е., вѣроятно, манджуровъ.

Не меньше данныхъ для установленія происхожденія отдѣльных слагаемыхъ современнаго шаманства даетъ языкъ пѣснопѣній, а особенно припѣвы. Такъ напримѣръ, нѣкоторые шаманскіе духи, говоря, допустимъ, на манджурскомъ языкѣ, припѣвы имѣютъ явынкисскіе или китайскіе и т. д. Иногда же отъ всего духа остается только туманное представленіе о немъ и припѣвъ на чуждомъ данному народу языкѣ. Вообще ритуаль жертвоприношенія и шаманскаго дѣйствія нерѣдко носятъ на себѣ слѣды большей древности, чѣмъ самъ духъ, а быть можетъ, и все шаманство. Несомнѣнно, что стремленіе примѣнять *привычный* способъ воздѣйствія на духовъ, несмотря на то, что значеніе того или иного воздѣйствія уже непонятно, сохраняется дольше, такъ какъ всякое отступленіе отъ *привычнаго* дѣйствія можетъ быть непонятно для духа, а слѣдовательно могутъ быть нарушены значеніе и цѣлесообразность самого дѣйствія. Эти то причины и дѣлаютъ ритуальную сторону шаманства особенно устойчивою.

вой¹⁾). Болѣе подробно останавливаться на шаманскомъ ритуалѣ я не буду, такъ какъ это имѣетъ лишь косвенное значеніе для цѣлей настоящаго „Опыта“²⁾.

IV. Ш а м а н ъ.

Для объясненія того, какими путями шаманъ входитъ въ сношенія съ духами, было бы желательно предварительно дать разсмотрѣніе отношеній духовъ къ роду и отношеній шамана къ роду. Въ то же самое время перейти къ этимъ вопросамъ возможно лишь по установленіи путей, коими достигается связь между духами и личностью шамана. Поэтому въ этой и слѣдующей части изложенія неизбежны будутъ нѣкоторыя повторенія. Замѣчу также, что размѣры настоящаго „Опыта“ мнѣ не позволяютъ привести *все* факты мнѣ извѣстные, а потому я въ качествѣ примѣровъ буду брать лишь наиболѣе типичные случаи.

Начиная съ трудовъ первыхъ путешественниковъ по Сибири, какъ Палласъ, Георги, Кастрень и др., и кончая трудами изслѣдователей послѣднихъ лѣтъ, мы находимъ рядъ фактовъ и подробныхъ описаній различныхъ видовъ заболѣваній нервного и психическаго свойства. Но въ этомъ отношеніи Сибирь еще ждетъ изслѣдователей невропатологовъ и психопатологовъ, такъ какъ то, что до сихъ поръ сдѣлано въ этомъ направленіи слишкомъ недостаточно для самыхъ скромныхъ обобщеній.

Сибирскія народности даютъ рядъ особыхъ разновидностей нервныхъ и психическихъ заболѣваній, а распространеніе этихъ заболѣваній оказывается даже значительно шире и глубже, чѣмъ среди другихъ намъ извѣстныхъ народовъ. Каковы причины этихъ явленій, полагаю, въ настоящее время, когда еще не изучены сами заболѣванія и психическія особенности указанныхъ народностей, устанавливать преждевременно. Тѣмъ не менѣе позволю себѣ замѣтить, что происхожденіе этихъ заболѣваній такъ называемому *вырожденію* сибирскихъ народностей, вслѣдствіе вліянія якобы существующаго кровосмѣсительства, ограниченности кровей и т. п. основано лишь на предположеніяхъ, такъ какъ вырожденія съ *біологической* точки зрѣнія, даже среди уменьшающихся численно народностей, нѣтъ. Во-первыхъ, коэффициентъ прироста населенія нельзя разсматривать абсолютно; необходимо учесть *интенсивность развитія* производительныхъ силъ народности, что должно быть введено въ коэффициентъ прироста, какъ одинъ изъ моментовъ. Во-вторыхъ, кровосмѣсительства и значительной

¹⁾ Въ манджурской книгѣ „*Вэчэрэ кооли битхэ*“, французскій переводъ которой имѣется и гдѣ изложены правила жертвоприношеній, можно найти не мало приемовъ и правилъ, которые до сихъ поръ строго соблюдаются манджурами, хотя эта книга у сѣверныхъ манджуровъ большой извѣстностью не пользуется и ее въ качествѣ руководства нынѣ живущіе манджуры не употребляютъ. Замѣчу здѣсь, что наличіе письменности и картинъ, а также вмѣстилищъ еще больше способствуетъ сохраненію ритуала.

²⁾ Къ детальному описанію и толкованію ритуала я надѣюсь вернуться болѣе подробно въ моихъ послѣдующихъ работахъ о шаманствѣ тунгусовъ вообще и въ особенности манджуровъ.

ограниченности брака (эндогамичность) обычно не существует, доказательством чему служатъ хотя бы значительная смѣшанность антропологическихъ типовъ. Къ этому вопросу вообще приходится относиться съ весьма большой осторожностью и считать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые этнографы, *причиною* значительнаго распространения заболѣваній эти совершенно еще непровѣренные факты неосновательно. Поэтому я, не имѣя возможности здѣсь же обратиться болѣе подробно къ разбору *основныхъ причинъ* развитія нервныхъ и психическихъ заболѣваній, временно позволю себѣ не касаться ихъ даже предположительно. Пусть данныя, которыя мнѣ удалось собрать, послужатъ лишь матеріаломъ для будущихъ выводовъ, успѣшность которыхъ будетъ зависеть помимо количества собранныхъ фактовъ также и отъ методовъ обработки ихъ, а особенно провѣрки на сибирскомъ социологическомъ матеріалѣ нѣкоторыхъ положеній, полученныхъ на европейскомъ матеріалѣ, совершенно отличномъ по своему происхожденію, антропологическимъ особенностямъ и главное этнографическимъ условіямъ.

Эти замѣчанія я считаю достаточными, чтобы предупредить отъ преждевременныхъ выводовъ и подчеркнуть, что разрѣшеніе разбираемыхъ вопросовъ требуетъ особенной осторожности.

Приходится различать шамановъ опытныхъ, такъ сказать, профессионаловъ и шамановъ начинающихъ и рѣдко шаманящихъ. Званіе и опытъ профессионала многое могутъ скрыть отъ глазъ изслѣдователя. Поэтому я начну свое изложеніе съ молодыхъ, малоопытныхъ шамановъ, для которыхъ самый актъ камланія не сталъ еще привычнымъ.

За нѣсколько дней до камланія, особенно если таковое не назначено специально, шаманъ начинаетъ испытывать чувство неудовлетворенности, упадка силъ, иногда легкой возбудимости. Онъ ищетъ объясненія причинъ своего состоянія, но не находитъ ихъ. Наконецъ, во снѣ ему начинаютъ видѣться непонятныя страшныя явленія, объясненія которыхъ онъ не находитъ и это создаетъ ему еще большую нервную неустойчивость. Когда это состояніе доходитъ до нѣкотораго предѣла и должно какъ-то разрѣшиться, шаманъ начинаетъ, сознательно или бессознательно, искать поводъ устроить камланіе. Если его услуги никому не нужны, то онъ выискиваетъ поводъ самъ. Либо онъ просто хочетъ узнать чего отъ него хотягь подчиненные ему духи, либо онъ хочетъ узнать черезъ духовъ, что дѣлается съ его близкими или что его ждетъ. Если это его желаніе укладывается въ определенное рѣшеніе, тогда шаманъ вызываетъ духовъ и камлаетъ по определеннымъ правиламъ, если же онъ не можетъ найти рѣшенія, то дѣло кончается внезапнымъ приходомъ духовъ, обычно во снѣ, и они сами ему объясняютъ причину ихъ появленія. Въ послѣднемъ случаѣ шаманъ начинаетъ сильно трястись и дрожать всѣмъ тѣломъ, особенно плечами и головою. Онъ садится на землю или на нару (у осѣдлыхъ), начинаетъ часто и рѣзко подпрыгивать, скрежеща зубами и тряся головой. Движеніе его начинаютъ дѣлаться все рѣзче и рѣзче, чаще и чаще; онъ ритмичны, но нарастаніе темпа происходитъ равномерно. Наконецъ онъ приостанавливается, какъ будто даже успокаивается, но новый приступъ, начинающійся съ неритмичнаго по-

дергиванія плечами и головой, снова овладѣваетъ имъ. Время наступленія слѣдующаго момента зависитъ отъ личнаго характера шамана. Когда движенія имъ уже совершенно овладѣютъ, шаманъ начинаетъ пѣть одинъ изъ мотивовъ извѣстныхъ всѣмъ, не только шаманамъ; пѣніе становится все громче и громче, движенія начинаютъ подчиняться мотиву, наконецъ шаманъ въ пѣніе начинаетъ вкладывать слова. Слова эти принадлежать уже не ему, шаману, а тому духу, который въ него вмѣстился. Душа шамана уже не самостоятельна. Если по близости отъ шамана есть опытный человѣкъ,—помощникъ шамана,—онъ начинаетъ задавать вопросы духу: какой, именно, это духъ, зачѣмъ онъ иришелъ, что ему нужно и т. д. Подпѣвая шаману послѣ каждой строфы, помощникъ помогаетъ шаману, заполняя молчаливые перерывы. Если есть подъ рукой бубень, то онъ передаетъ его шаману и тотъ начинаетъ въ него ритмично бить колотушкой. Шумъ бубна и подвѣсокъ на немъ еще больше вводятъ шамана въ состояніи *сознательнаго* невладѣнія собой. Если шаманъ бубна держать не можетъ или отказывается отъ этого, то помощникъ самъ беретъ бубень и помогаетъ шаману довести себя до того состоянія, когда духъ становится полнымъ господиномъ тѣла шамана. Когда цѣль достигнута, шаманъ становится нѣсколько спокойнѣе; его сознаниемъ, его языкомъ и тѣломъ владѣетъ духъ, онъ ему отдается абсолютно, образъ духа, желанія его и страданія, овладѣваютъ шаманомъ, и подсознательная сфера его оттѣсняетъ сознание. Тогда шаманъ *сознательной* жизнью больше не живетъ, онъ находится въ состояніи, когда сознание его усыплено. Если въ этотъ моментъ шаману оно возвращается и если ему неизвѣстны нѣкоторые приемы возвратить себя въ прежнее состояніе, изъ котораго онъ выведенъ, онъ теряетъ способность продолжать камланіе. Въ этомъ состояніи шаманъ можетъ пребывать нѣсколько часовъ. Духъ, вмѣстившійся въ шамана, можетъ понестись за много верстъ отъ тѣла шамана, наблюдать тамъ и рассказывать то, что онъ видитъ. Духъ можетъ войти въ связь съ другими духами и отъ нихъ узнать, то что ему требуется, онъ можетъ просить и заставить другихъ духовъ оказать ему помощь и т. д. Въ это время дѣло помощника шамана все запомнить и понять, что говоритъ духъ черезъ шамана, не приводя шамана въ полное сознание, задавая ему вопросы коротко и ясно, ловя моментъ, когда шаманъ молчитъ. Если въ это время сознание къ шаману вернется благодаря грубости и неумѣнью помощника, то духъ можетъ уйти и прервать сеансъ.

Значеніе помощника шамана громадно. Отъ его умѣнья зависитъ и то, чтобы помочь шаману остаться въ томъ состояніи, до котораго онъ себя довелъ, и понять то, что духъ говорилъ. По окончаніи камланія далеко не всегда, конечно, шаманъ помнитъ и знаетъ, что именно духъ говорилъ и тѣ вопросы, которые стояли передъ шаманомъ до начала камланія, останутся для него вопросами, если помощникъ не изложитъ ему услышаннаго. Функции помощника иногда исполняются случайно присутствующими при камланіи людьми, но когда камланіе предвидится, то обычно помогаетъ одно и то же лицо, привыкшее къ данному шаману.

Когда духъ кончитъ свое дѣло, онъ уходитъ. Уходитъ онъ внезапно. Шаманъ сразу успокаивается, вытираетъ лицо платкомъ, протираетъ глаза, пьетъ воду или чай и обычно скоро засыпаетъ, утомленный и измученный физически. На слѣдующій день, если шаманъ получилъ удовлетвореніе и позывъ камлать не повторяется, онъ встаетъ бодрымъ и веселымъ. Тяжелому психическому состоянію его уже болѣе нѣтъ мѣста.

Это самый простой случай камланія, теперь я перехожу къ болѣе подробному описанію состоянія шамана, тѣхъ возможностей, которыя открываются для него, когда духъ въ него уже вмѣстился, приѣмовъ камланія и способовъ поддержать достигнутое состояніе.

При перечисленіи шаманскихъ духовъ попутно указывалось и на качества, которыми обладаютъ нѣкоторые изъ нихъ. Качества и способности духовъ даютъ шаману возможность, вмѣстивъ въ себя духовъ, пользоваться свойствами ихъ въ своихъ интересахъ. Такъ, напримѣръ, духи, которые не боятся боли, даютъ возможность шаману наносить себѣ уколы, порѣзы и удары, не испытывая при этомъ страха и не боясь послѣдствій. Приходилось, дѣйствительно, неоднократно наблюдать чрезвычайную нечувствительность шамановъ во время вхожденія въ нихъ духовъ этой группы. Больше того, заживленіе порѣзовъ и уколовъ полученныхъ во время камланія, по свидѣтельству многихъ лицъ, протекаетъ значительно быстрѣе. Большіе шаманы, т. е. шаманы, обладающіе большими знаніями, умѣньемъ и вліяніемъ на людей, въ присутствіи нѣкоторыхъ духовъ при большой сосредоточенности могутъ даже безъ физическихъ воздѣйствій вызывать на лбѣ выступаніе крови черезъ кожу, причемъ кровотеченіе приостанавливается вскорѣ послѣ ухода духа. При вмѣщеніи духа огня шаманы обнаженными ногами входятъ въ кучу горящихъ углей, манипулируютъ съ раскаленнымъ желѣзомъ, обливаютъ и берутъ въ ротъ горящія китайскія курительныя свѣчи, вообще не боятся высокихъ температуръ. При вхожденіи нѣкоторыхъ духовъ они пріобрѣтаютъ большую подвижность, дѣлаютъ такіе скачки, на которые они въ нормальномъ состояніи безусловно неспособны. Такъ, напримѣръ, однажды мнѣ пришлось наблюдать одного стараго шамана въ возрастѣ болѣе 80 лѣтъ, который былъ слѣпъ и не могъ уже передвигаться безъ посторонней помощи; когда на него былъ надѣтъ костюмъ, вѣсившій, во всякомъ случаѣ, болѣе одного пуда, и когда духъ въ него уже вмѣстился, онъ, ударяя при этомъ въ бубенъ, началъ подпрыгивать на высоту не менѣе одного метра и танцевалъ съ легкостью совершенно непонятной при его дряхлости. При вмѣщеніи духа беременной женщины у шаманокъ начинается увеличиваться животъ и становится настолько большіхъ размѣровъ, что женщина имѣетъ видъ готовой разрѣшиться; тогда шаманка даетъ прощунать ей животъ и предлагаетъ тутъ же родить ребенка-духа, но конечно, никто изъ присутствующихъ не соглашается его принять; по удаленіи этого духа, животъ шаманки сразу опадаетъ до нормальныхъ размѣровъ. Шаманы могутъ пребывать въ неподвижномъ состояніи или неудобномъ для тѣла положеніи почти неограниченно продолжительное время, что совершенно невозможно для нормальныхъ людей.

Изъ моихъ подробныхъ наблюдений надъ шаманами, мнѣ удалось получить рядъ любопытныхъ фактовъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Шаманка отправилась въ міръ мертвыхъ, чтобы увидѣть тамъ души давно умершихъ предковъ рода. Путешествіе въ міръ мертвыхъ сложно, длинно и опасно, такъ какъ въ моментъ, когда душа шамана покидаетъ тѣло, она можетъ быть по пути перехвачена врагомъ шаманомъ или задержана какимъ-нибудь духомъ. Иногда случается, что шаманъ во время такого камланія, не приходя въ сознаніе, умираетъ. Когда духъ шаманки покинулъ ея тѣло, она бросилась на особо сдѣланный плотъ изъ четырехъ деревянныхъ рыбъ, покрытый шкурою только что убитаго оленя. Передъ этимъ мнѣ удалось опредѣлить пульсъ, онъ былъ близокъ къ 110. Вскорѣ послѣ паденія ея, тѣло начало мало по мало остывать, пульсъ ослабѣвать и едва чувствуемый давалъ уже не болѣе 52-4 ударовъ. Шаманка лежала безъ движенія и становилась все холоднѣе и холоднѣе. Душа ея не возвращалась и она не двигалась. Такъ продолжалось при сохраненіи присутствовавшими тишины около получаса. Помощники ея начали беспокоиться и звать ее. Она не отзывалась. Тогда начали высѣкать огонь кремнемъ, брызгать водою, теревить ее и т. д. пока она не отозвалась слабымъ подавленнымъ голосомъ. Тогда помощники стали рѣзко бить въ бубень, шумѣть подвѣсками и громко кричать. Шаманка стала согрѣваться, наконецъ она поднялась, вскочила, схватила бубень и снова начала пѣть и двигаться, — душа ея вернулась.

Случаи, когда смерть наступаетъ безъ видимыхъ причинъ, по указанію самаго человѣка, извѣстно немало. Такъ на примѣръ, извѣстно, что нѣкоторыя племена австралійцевъ совершенно не могутъ ѣсть мяса тотемныхъ животныхъ, такъ какъ вѣрятъ въ то, что съѣвшій неминуемо долженъ умереть черезъ три дня; и они, дѣйствительно, расплачиваются за невоздержанность или ошибку жизнью. Среди народовъ Европы сильно нервныя натуры назначаютъ себѣ день и часъ смерти, готовятся къ ней и смерть, дѣйствительно, наступаетъ вслѣдствіе пріостановки дѣятельности сердца. Извѣстно также, что многіе индивидуумы обладаютъ умѣньемъ регулировать сердцебиеніе, усиливая и ослабляя его. Достаточно того, что существуетъ *нѣкоторая* возможность регулированія сердечной дѣятельности, чтобы степень воздѣйствія на сердце стала въ зависимость отъ степени *желанія и умѣнья* это дѣлать. Наконецъ, если вѣра въ то, что вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ *должна* наступить обязательно смерть, достаточно сильна и дѣлаетъ въ сознаніи человѣка смерть неизбежною, то смерть, дѣйствительно, можетъ, наступить, вслѣдствіе самовнушенія и воздѣйствія на сердечную дѣятельность. Въ случаѣ шаманства дѣло такъ именно и обстоитъ. Шаманъ *знаетъ* то, что душа его уходитъ, онъ *знаетъ*, что она можетъ быть похищена или задержана при возвращеніи своемъ въ тѣло шамана, онъ *знаетъ*, что жизнь безъ души невозможна и если онъ убѣдился въ томъ, что душа его, дѣйствительно, не вернулась, ему ничего болѣе не остается, какъ пріостановить сердечную дѣятельность и, дѣйствительно, умереть. Случаи же перехватыванія души шамана во время большого камланія, когда душа шамана идетъ въ міръ мертвыхъ, бывають часты, а поэтому шаманы избѣгаютъ пускать свою душу въ такія опасныя

путешествія и ходять въ міръ мертвыхъ рѣдко, не болѣе одного раза въ годъ, а иногда и рѣже того.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ шаману бываетъ необходимо вмѣстить въ себя подрядъ нѣскольکو духовъ. Допустимъ, что ему черезъ духа стало извѣстно, что для выздоровленія больного ему, шаману, необходимо найти душу больного и вмѣстить ее обратно, изгнавъ предварительно изъ больного вмѣстившагося какого-нибудь бродячаго духа (случай сильнаго психическаго заболѣванія). Тогда само камланіе должно составиться изъ нѣсколькихъ актовъ: 1) обычное обращеніе къ шаманскимъ духамъ за помощью и вхожденіе одного изъ нихъ, 2) узнаваніе помощью духа причины болѣзни и нахожденіе души больного, 3) приглашеніе ряда духовъ и вхожденіе ихъ, а затѣмъ добываніе и доставка души больного, 4) при помощи другихъ духовъ удаленіе въ специальное вмѣстилище духа, вмѣстившагося въ больного, 5) вмѣщеніе обратно души больного въ его тѣло, 6) возданіе благодарности духамъ. Такимъ образомъ, для успѣшнаго веденія этого камланія необходимо приглашеніе и вмѣщеніе нѣсколькихъ духовъ, преодоленіе препятствій со стороны другихъ духовъ и т. д. Каждый духъ обладаетъ своими особенностями, своими словами, своимъ умѣньемъ, своей специальностью, поэтому и шаману приходится все это знать и дѣлать.

Чтобы довести себя до подавленія сознанія, шаману приходится употребить немало времени (вхожденіе духа), а затѣмъ духъ начинаетъ дѣйствовать самостоятельно. Иногда для этого требуется болѣе часа, а все камланіе продолжается нѣскольکو часовъ и шаману за это время приходится мѣнять свои приемы, настроеніе (бываютъ веселые, мрачные, медленные и быстрые и т. д. духи) нѣскольکو разъ. Послѣ такого напряженія всѣхъ силъ, шаманъ бываетъ чрезвычайно утомленъ и долженъ значительное время (нѣскольکو часовъ) отдыхать, а иногда даже онъ остается въ подавленномъ состояніи въ теченіи нѣсколькихъ дней, особенно если ему не удавалось вмѣстить въ себя духовъ или одного изъ нихъ и добиться желаемаго результата.

Имѣетъ также большое значеніе настроеніе шамана и подготовленность его къ камланію. Если шаманъ *хочетъ* камлать и ищетъ случая, то дѣло для него проще, но если его просятъ и заставляютъ камлать, то для него это труднѣе, такъ какъ предварительно онъ долженъ довести себя до такого состоянія, когда ему *захочется* камлать, такъ какъ въ противномъ случаѣ въ него духи не вмѣстятся, или ему придется только дѣлать видъ, что духи вмѣстились. Такимъ образомъ, помимо того, что шаманъ можетъ быть пассивнымъ вмѣстилищемъ духовъ, онъ долженъ умѣть самъ вмѣщать духовъ и слѣдовательно, произвольно подавлять свое сознаніе. По увѣренію шаманистовъ даже умѣлый, знающій всѣ приемы, шаманъ не можетъ достигнуть полнаго владѣнія духами и настроеніемъ людей, если не отдастъ ся цѣликомъ духамъ, т. е. не подавитъ совершенно своего сознанія. Искусство и опытность шамана приводитъ его къ *умѣнью* довести себя до такого состоянія и для этого существуетъ рядъ приемовъ.

Самое опасное это прохожденіе шаманомъ момента психологическаго перехода отъ сознанія къ вмѣщенію духа, когда камланіе

можетъ превратиться въ простой нервный припадокъ, т. е. когда шаманомъ владѣетъ духъ, а не шаманъ духомъ. Когда шаманяеть со вмѣщеніемъ духовъ, то все дѣйствіе происходитъ ночью въ полутемномъ помѣщеніи; для созданія экстаза шаманъ закрываетъ глаза и покачивается ритмично; постороннимъ шумомъ его развлекать нельзя, но подиѣваніемъ нужно помогать непрерывному поддержанію ритма; въ бубень шаманъ бьетъ ритмично; время отъ времени нагибаетъ низко голову и вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ или частями его. Для поддержанія силъ онъ иногда пьетъ водку или ханшинъ (китайская водка) или араку (молочная водка монголовъ). Иногда же шаманъ выкуриваетъ подрядъ нѣсколько трубокъ табаку. Такіе приемы для шамановъ, очевидно, вредны, такъ какъ поднимаютъ ихъ энергію на моментъ, послѣ чего наступаетъ реакція. Вслѣдствіе этого, опытные шаманы во время камланія избѣгаютъ наркотиковъ, а передъ камланіемъ предпочитаютъ поѣсть и выспаться. Если шаману не удастся довести себя до экстаза, то онъ, немного отдохнувъ предварительно, начинаетъ всю процедуру сначала.

Начиная камлатъ, шаманъ обычно уже знаетъ, какой именно духъ долженъ придти первымъ, вторымъ и т. д. Вѣроятно, во время камланія самъ шаманъ не знаетъ и не помнитъ этого порядка, но *обычный порядокъ вмѣщенія духовъ въ даннаго шамана* ему извѣстенъ, хотя бы отъ его собственныхъ помощниковъ. Обычно у шамановъ бываетъ *свой* порядокъ. Если порядокъ нарушается, то это ставитъ помощниковъ въ большое затрудненіе и крайне мѣшаетъ шаману, такъ какъ помощники путемъ удачнаго заданія вопросовъ и т. п. не оказываютъ шаману необходимаго содѣйствія. Само собою разумѣется, что *сознательно* шаманъ мѣнять порядокъ не будетъ,—это роняетъ авторитетъ шамана, можетъ вызвать перерывъ въ настроеніи, удаленіе духа и вообще замедляетъ камланіе. Помощники же также раздражаются и съ трудомъ слѣдятъ за шаманомъ. Они утверждаютъ, что у шамановъ въ этомъ отношеніи существуютъ свои привычки,—одни точно слѣдуютъ однимъ порядкомъ, а другіе этого не дѣлаютъ, но въ нормальномъ состояніи шаманъ всегда знаетъ порядокъ вмѣщенія своихъ духовъ. Кромѣ того, при сравнительно ограниченномъ количествѣ духовъ, запоминаніе порядка вмѣщенія ихъ не составляетъ труда даже для дѣтей. Очевидно, во время камланія шаманъ идетъ по порядку вмѣщенія духовъ совершенно безсознательно.

Во время камланія, какъ было сказано, обычно бываетъ темно, но слѣпые шаманы могутъ камлатъ и днемъ. Щипки, толчки и вообще все то, что возвращаетъ шамана въ сознаніе, приводитъ къ уходу духа, если только шаманъ не реагируетъ на эти дѣйствія безсознательно самозащитою. Во время же вмѣщенія нѣкоторыхъ духовъ, ощущеніе боли у шамановъ совершенно пропадаетъ и тогда такія воздѣйствія на шамановъ не производятъ никакого впечатлѣнія¹⁾. Въ это время шаманъ въ состояніи развивать энергію совершенно несоответствующую его физическимъ даннымъ. Такъ напримѣръ, слабыя женщины—шаманки обладаютъ настолько большой силой, что нѣсколько взрослыхъ мужчинъ не могутъ ихъ удержать на мѣстѣ, если это требуется. Старухи и старики пріобрѣтаютъ легкость и молодость.

¹⁾ Мнѣ лично приходилось производить такіе опыты.

Во время камланія они также теряют ощущение холода и въ сильный мороз шаманъ иногда часами полуодѣтый находится въ юрты или фанзы. Начавъ камланіе, шаманъ иногда не ѣсть почти цѣлый день. Все это говоритъ за то, что во время камланія состояніе шамановъ значительно отличается отъ обычнаго, нормальнаго состоянія людей вообще и ихъ самихъ. Наконецъ, само камланіе, которое иногда продолжается отъ захода и до восхода солнца и во время котораго шаманъ находится несомнѣнно въ состояніи весьма сильнаго возбужденія, свидѣтельствуетъ объ исключительной выносливости шамановъ во время камланія.

Путемъ значительнаго напряженія и продолжительности иногда многодневнаго камланія шаманамъ удается, по словамъ шаманистовъ, достигать сообщенія на разстояніе, вызывать издалека другихъ шамановъ себѣ въ помощь, внушать людямъ нѣкоторыя дѣйствія и т. д. Такихъ фактовъ въ настоящее время извѣстно уже много, но объясненіе ихъ я пока оставляю на будущее, такъ какъ сложность этихъ явленій нуждается въ дополнительномъ анализѣ самихъ фактовъ и требуетъ болѣе детальнаго изложенія ихъ. Замѣчу только, что для разрѣшенія этихъ вопросовъ одного скептицизма недостаточно. Только послѣ спеціальнаго изученія самого явленія можно будетъ сдѣлать выводы¹⁾.

О вліяніи шамановъ на присутствующихъ людей и ихъ подчиненіи шаманамъ мнѣ удобнѣе сказать въ слѣдующей части.

Какимъ же образомъ человекъ становится хозяиномъ духовъ, шаманомъ? Чтобы подойти къ этому вопросу, мнѣ придется касаться взаимоотношеній родовыхъ духовъ и рода. Къ послѣднему вопросу болѣе подробно я обращусь далѣе, а поэтому здѣсь я ограничусь лишь общими замѣчаніями. Когда въ родѣ по смерти шамана освобождаются духи, среди членовъ рода²⁾ начинаются страшныя, необъяснимыя заболѣванія которыя особенно сильно распространяются среди ближайшихъ шаману членовъ рода нисходящаго поколѣнія, спеціально же среди молодыхъ людей обою пола въ возрастѣ приблизительно до 20 лѣтъ. Больные дѣлаются задумчивыми и разсѣянными, лишаются работоспособности, не могутъ заниматься обычнымъ трудомъ, много спятъ, во снѣ постоянно бредятъ, вскакиваютъ на ложѣ, стремятся удалиться отъ людей, иногда убѣгаютъ въ тайгу и тамъ остаются по долгу, обычно отказываются отъ пищи и худѣютъ. Иногда это заболѣваніе сопровождается истерическими при-

¹⁾ Нѣкоторыми лицами, наблюдавшими шамановъ, предполагали, по своей прототѣ, со стороны шамановъ самую обыкновенную фальсификацію и мошенничество. Конечно, по детальномъ изученіи вопроса, мѣста для такихъ предположеній, кстаті сказать, значительно облегчающихъ задачу изслѣдователя, быть не можетъ.

²⁾ У тунгусовъ бродячихъ охотниковъ численно родъ обнимаетъ приблизительно около 100 человекъ, хотя возможно, конечно, увеличеніе рода и до нѣсколькихъ сотенъ, у манжуровъ родъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ; въ случаѣ сильнаго расширенія рода происходитъ дѣленіе его,—у тунгусовъ—охотниковъ просто образуется новый родъ, обычно съ новымъ названіемъ, а у манжуровъ родъ отдѣляетъ новую социальную единицу, которая является по себѣ своимъ признакамъ родомъ, та же организація, которая выдѣлила изъ себя эти новые рода уже теряетъ признаки рода и ее можно скорѣе разсматривать, какъ племя, объединяющее рядъ родовъ, имѣющихъ общаго предка.

падками со всеми типичными проявлениями истерии: судорогами, „мо-стомъ“ нечувствительностью, свѣтобоязнью и т. д. Иногда больных находятъ въ лѣсу забравшимися во время припадка на дерево или сидящими между скалами или въ пещерахъ. Больныхъ возвращаютъ насильно домой, слѣдятъ за ними, ухаживаютъ за ними, такъ какъ все знаютъ, что причиною заболѣванія могутъ быть духи умершаго шамана. Такихъ больныхъ одновременно бываетъ иногда нѣсколько человекъ. Никакое леченіе здѣсь не помогаетъ и только шаманъ можетъ опредѣлить истинную причину заболѣванія, да и то съ большимъ трудомъ. Леченіемъ же для такихъ больныхъ можетъ быть только опредѣленіе духовъ къ одному изъ больныхъ, что опять таки дѣлается не шаманомъ, а самими духами.

Кто же изъ заболѣвшихъ и искомымъ духами имѣетъ больше шансовъ сдѣлаться ихъ хозяиномъ? Въ этомъ отношеніи у нѣкоторыхъ народностей существуютъ опредѣленные правила; такъ на примѣръ, у забайкальскихъ тунгусовъ духи наследуются обычно отъ дѣда къ внуку, отъ мужчинъ къ мужчинамъ, а отъ женщинъ къ женщинамъ съ соблюденіемъ мужской филиаціи и съ сохраненіемъ женщиной духовъ своего рода. У манджуровъ же, гдѣ женщина пришедшая въ чужой родъ въ отношеніи духовъ становится полноправнымъ членомъ рода, наследованіе духовъ происходитъ безъ различія пола и стремится придерживаться прямой линіи, — отъ отца къ сыну и дочери, отъ матери къ сыну и дочери.

Сознаніе принципа наследованія вліяетъ только до нѣкоторой степени, такъ какъ, помимо всего, у кандидата должны быть спеціальныя данныя для того, чтобы сдѣлаться шаманомъ.

Но случается, что, несмотря на наличіе кандидатовъ (по принципу наследованія) и заболѣвшихъ описанной болѣзнью, духи все-таки ни за однимъ изъ нихъ не останавливаются и болѣзнь начинается захватывать новыхъ членовъ рода, давая при этомъ новыя видоизмѣненія ея. Взрослые люди дѣлаются нервными и совершаютъ акты необъяснимой грубости, даже преступленія; начинается развиваться всеобщее раздраженіе, склонность къ истерическимъ припадкамъ; смертность отъ самого болѣзненнаго состоянія и несчастныхъ случаевъ увеличивается. Тогда нормальная жизнь рода приостанавливается и иногда можетъ грозить даже гибелью роду. Такое состояніе рода можетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ. Измѣнено же оно можетъ быть лишь созданіемъ шамана и случается это въ болѣе простомъ случаѣ приблизительно слѣдующимъ образомъ.

Состояніе одного изъ больныхъ значительно ухудшается. Онъ почти ничего не ѣстъ, теряетъ сонъ, мраченъ и бездѣятеленъ. Обычно вечеромъ или ночью начинается сильный припадокъ. Больной, дрожитъ, какъ шаманъ, подпрыгиваетъ и скрежещетъ зубами. Тутъ же онъ начинаетъ и шаманить. Если имѣется подъ рукой бубень, то ему его суютъ въ руки и больной доводитъ себя до экстаза, когда сознаніе уже теряется, и духъ въ больного, наконецъ, вмѣщается. Иногда это происходитъ въ тайгѣ безъ свидѣтелей и помощи людей, гдѣ преимущественно вмѣщается въ шамана одинъ изъ духовъ тайги. Тамъ онъ шаманитъ иногда нѣсколько дней подрядъ и либо

его находить другіе люди и приводить домой, либо онъ самъ возвращается, либо же погибаетъ.

Послѣ перваго вмѣщенія духовъ кандидата въ шаманы оставляютъ въ покоѣ иногда на нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда даже на нѣсколько лѣтъ; онъ дѣлается болѣе спокойнымъ, но время отъ времени пытается камлатъ. По совѣщаніи рода и старыхъ шамановъ назначается день, когда новый шаманъ приноситъ первую жертву своимъ духамъ, что и знаменуетъ его признаніе родомъ.

Значительно усложняется дѣло въ томъ случаѣ, если одновременно существуетъ нѣсколько равноправныхъ кандидатовъ. Однѣмъ такой случай мнѣ извѣстенъ во всѣхъ деталяхъ и я имъ подѣлюсь.

Въ одномъ манджурскомъ родѣ лѣтъ 18 тому назадъ былъ казненъ шаманъ за политическое преступленіе. Онъ былъ единственнымъ шаманомъ рода, у наслѣдовавшимъ духовъ отъ своей матери, которая въ свою очередь унаслѣдовала ихъ отъ его бабушки (по отцу). Смерть шамана совпала съ военными событіями въ Сѣверной Манджуріи и почти все населеніе изъ прибрежныхъ селеній по Амуру перекочевало подъ гор. Цицикаръ. Всѣ шаманскія принадлежности, кромѣ двухъ картинъ съ духами, погибли во время пожаровъ и когда родъ вернулся на старое пепелище, вся его энергія ушла на возсозданіе разрушенныхъ жилищъ, имущества и хозяйства. У шамана было два сына; за старшаго, когда тому было 12—13 лѣтъ, онъ сосваталъ дѣвушку лѣтъ 20, которая вскорѣ послѣ свадьбы стала любовницей шамана и родила сына. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти шамана въ родѣ начались обычныя заболѣванія, которыя особенно сильно проявлялись на младшемъ сынѣ и на любовницѣ покойнаго шамана, женѣ старшаго сына, который покинулъ родительскій домъ и, получивъ нѣкоторое образованіе, сталъ чиновникомъ въ мѣстныхъ китайскихъ управленіяхъ. Въ родѣ образовалось два теченія, — одни считали нежелательнымъ, чтобы женщина стала родовымъ шаманомъ, а другіе видѣли въ ней большую силу, чѣмъ въ ея зятѣ и поддерживали ея кандидатуру. У женщины кандидата, избѣгавшей послѣ смерти отца мужа сношеній съ мужчинами, прекратились мѣсячныя кровотеченія, несмотря на то, что ей было только 36-37 лѣтъ и ея заболѣваніе начало принимать все болѣе и болѣе тяжелыя формы, — она пропала на по нѣсколько дней въ тайгѣ, гдѣ находили ее застрявшей между сучьями деревьевъ, истерзанную и избитую. Это состояніе сопровождалось истерическими припадками, свѣтобоязнью, „мостомъ“, нечувствительностью къ уколамъ и т. д.

Второй кандидатъ былъ еще совсѣмъ юный, крѣпкій, но довольно нервный субъектъ лѣтъ 22. У него бывали таинственные сны, но нью онъ вскакивалъ и начиналъ шаманить безъ бубна. Работалъ онъ дѣлливо, былъ вообще апатиченъ.

У другихъ членовъ рода были также припадки, а главное то, что всѣхъ преслѣдовали неудачи въ дѣлахъ и личной жизни. Общее мнѣніе склонялось къ тому, что *шаманъ нуженъ*. Это было, очевидно, извѣстно и кандидатамъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой неопредѣленности положенія рѣшено было созвать весь родъ, избрать жюри изъ трехъ лицъ и разрѣшить вопросъ, кому же изъ двухъ быть шаманомъ.

Приготовленія къ этому акту я опускаю и перейду непосредственно ко дню, когда этотъ вопросъ долженъ былъ быть рѣшенъ. Въ рѣшительный день въ кандидатку вмѣстился духъ шамана, ея бывшаго любовника. По многимъ признакамъ можно было заключить, что половой моментъ здѣсь игралъ не послѣднюю роль, такъ какъ кандидатка во время припадка производила нѣкоторыя движенія, опредѣленно указывавшія на сильное половое возбужденіе. Припадокъ повторился еще разъ въ тотъ же день, но въ значительно болѣе слабой степени. Къ тому моменту, когда она должна была вмѣстить въ себя духовъ и заговорить, ихъ языкомъ она была уже совершенно разбитой и ослабленной.

Старый шаманъ, въ присутствіи 60—70 человекъ началъ ее готовить къ экстазу пѣніемъ и бубномъ. Долго не наступало возбужденіе. Наконецъ, она задрожала и начался припадокъ. Сначала думали, что это пришелъ духъ, но потомъ оказалось, что она ничего сказать не могла, плакала, подвывала и дрожала, причемъ дрожь была незначительной. Нѣсколько разъ пытались довести ее до экстаза, но это не удавалось.

Одною изъ причинъ неудачи кандидатки несомнѣнно было нежеланіе большинства имѣть ее шаманомъ. Ей подсовывали сырой, мало-звучный бубень, смѣялись и т. д., что несомнѣнно ей мѣшало сосредоточиться. Тогда было рѣшено, что она духовъ не имѣетъ, но духи владѣютъ ею и поэтому шаманомъ она быть не можетъ.

Второй кандидатъ былъ бодрѣе и, хотя вначалѣ духи въ него и не хотѣли вмѣщаться и онъ путалъ названія духовъ и ихъ функціи, тѣмъ не менѣе на вторую и третью ночь онъ все больше и больше входилъ въ роль и, наконецъ, на четвертую ночь доказалъ передъ всѣми, что онъ духами владѣетъ вполне. Онъ въ теченіе многихъ часовъ дрожалъ, носился по фанзѣ, подпрыгивалъ, пѣлъ и билъ въ бубень, сказалъ сколько и какіе у него есть духи, вмѣстилъ поочередно ихъ въ себя и тогда духи потребовали себѣ жертвъ, а его объявили черезъ него самого своимъ избранникомъ. Волѣ духовъ подчинились люди и новый шаманъ былъ признанъ.

Изъ этого описанія можно видѣть, что, помимо личныхъ данныхъ, играетъ извѣстную роль и желаніе сородовичей видѣть шаманомъ то или иное лицо. Но, пожалуй, еще большую роль играетъ опредѣленіе того, не болѣзнь ли руководитъ кандидатомъ. Отъ послѣдняго, собственно, и зависитъ результатъ состязанія кандидатовъ. Вообще же, если бываетъ нѣсколько кандидатовъ и они успѣшно камлаютъ, то вопросъ можетъ быть отложенъ разрѣшеніемъ на будущее. Въ концѣ концовъ одинъ изъ кандидатовъ уступить и духи изберутъ себѣ хозяиномъ выдержавшаго испытаніе. Въ приведенныхъ случаяхъ роль опредѣлялъ кандидата, но если шаманъ появляется самопроизвольно, то дѣло для рода упрощается, такъ какъ онъ стоитъ передъ совершившимся фактомъ.

Къ подобнымъ случаямъ относятся тѣ появленія новыхъ шамановъ, которыя бываютъ неожиданными для самого рода, а иногда и для самого кандидата. Вотъ одинъ изъ типичныхъ случаевъ. Уивынки въ Маньчуріи былъ человекъ лѣтъ сорока. Онъ пошелъ въ тайгу и тамъ заблудился. Сколько времени онъ пропугалъ, самъ онъ

не знаетъ, но однажды ночью, находясь среди скалъ, онъ чего-то испугался, потерялъ сознание и въ него вмѣстился *кадар буркан*, ставшій его главнымъ связномъ. Онъ прошаманилъ нѣсколько дней на мѣстѣ, пришелъ въ нормальное состояніе и вернулся къ своему дому. Тамъ онъ рассказалъ, что съ нимъ случилось и собравіе рода, удивившись въ томъ, что онъ сталъ, дѣйствительно шаманомъ, признало за нимъ права. Сначала считали, что онъ имѣетъ только связновъ *дона*, но затѣмъ онъ принялъ родовыхъ духовъ и сталъ родовымъ шаманомъ. Упрощается дѣло и въ томъ случаѣ, если серьезныхъ кандидатовъ нѣтъ. Тогда волей-неволей приходится примириться съ тѣмъ единственнымъ, который имѣетъ права и склонность быть шаманомъ.

Обряды, знаменующіе собою выступленіе шамана на дѣятельность, нѣкоторыми этнографами совершенно неправильно называемые „посвященіемъ шамана“, отличаются значительнымъ разнообразіемъ.

Сущность ихъ сводится къ двумъ актамъ: 1) признанію родомъ на особомъ испытаніи за кандидатомъ правъ на шамана и 2) первое жертвоприношеніе духамъ шамана. Вся процедура продолжается не менѣе нѣсколькихъ дней, а обычно 5, 7, 9 дней, при чемъ эти два акта иногда раздѣляются временемъ въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Любопытно отмѣтить, что во второмъ актѣ самымъ важнымъ считается жертвоприношеніе *буга* или духу замѣняющему его. Жертвеннымъ животнымъ бываетъ, обычно, какое-нибудь большое животное: быкъ или большой олень. Этотъ актъ торжественности необходимъ для того, чтобы оповѣстить единого бога о важномъ событіи въ жизни рода. Особенная длительность этихъ актовъ происходитъ вслѣдствіе того, что каждому духу приходится придти особо, для того, чтобы его можно было „накормить“. Здѣсь одновременно у нѣкоторыхъ народностей происходитъ также учетъ того, сколько и какіе именно духи имѣются у даннаго шамана. Вслѣдствіи такое жертвоприношеніе повторяется или ежегодно (у манджуровъ) или разъ въ 3—4 года. Увынки обычно дѣлается особая бирка, на которой отмѣчается и въ первый и въ послѣдующіе разы сколько и какіе духи являлись. Бирка сохраняется самимъ шаманомъ вмѣстѣ съ костюмомъ и другими шаманскими принадлежностями.

У. Шаманъ и родъ.

Каковы же отношенія между шаманомъ и родомъ и въ чемъ выражаются отношенія шамана и отдѣльныхъ людей? Здѣсь мнѣ придется вернуться нѣсколько назадъ и напомнить то, что отчасти уже было сказано. Всѣ тунгусскія народности, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, живутъ родами. Родъ это замкнутая группа родственныхъ по мужской линіи, связанныхъ помимо сознанія единства происхожденія также и сознаніемъ общности родовыхъ духовъ. Всѣ члены рода связаны между собою помимо этого также и экономическими отношеніями, которыя заставляють родъ спаяваться еще крѣпче. Если одинъ изъ членовъ рода оказывается въ затруднительномъ положеніи, то остальные приходятъ ему на помощь, особенно въ случаяхъ имѣющихъ общеродовое значеніе, т. е. продолженіе само-

го рода, а слѣдовательно бракъ и размноженіе, защита членовъ рода отъ вреднаго вліянія родовыхъ духовъ или чужеродныхъ (дова), поддержаніе существованія слабыхъ членовъ рода и т. под. Всѣ эти виды вмѣшательства рода въ жизнь отдѣльныхъ членовъ могутъ уложиться въ одну общую формулу: родъ проявляетъ свою дѣятельность цѣляхъ защиты своего существованія. Этотъ біологическій инстинктъ въ у рода доминируетъ надъ всѣмъ. Въ этихъ случаяхъ отдѣльный индивидуумъ оказывается подчиненнымъ общимъ стремленіямъ, а весь родъ сознаетъ себя самодавлѣющей біологической единицей¹⁾.

Какъ было сказано, сибирскія народности, а въ частности всѣ тунгусы и особенно бродячіе охотники, весьма склонны къ различнымъ психическимъ и нервнымъ заболѣваніямъ. Такія заболѣванія обычно локализируются, что достигается сознаниемъ опасности для рода массовыхъ заболѣваній. Это сознаніе является естественнымъ выраженіемъ біологическаго инстинкта рода. Дѣйствительно, отсутствіе такого сознанія слѣдствіемъ своимъ можетъ имѣть только гибель рода или захирѣніе, что иногда, между прочимъ, и наблюдается. Какимъ же образомъ проявляются массовыя заболѣванія и какъ они локализируются? Массовыя галлюцинаціи зрѣнія и слуха слишкомъ извѣстное явленіе, чтобы о немъ специально говорить. Наблюдается оно и у тунгусовъ. Периодическія массовыя заболѣванія истеріей, крайне заразительной, какъ мы знаемъ, извѣстны также тунгусамъ. Массовое проявленіе подавленности воли у отдѣльныхъ индивидуумовъ, неуверенность въ себѣ и прочія неврастеническія явленія наблюдаются также у нихъ. Объясненіе этихъ явленій исчерпывающе дается теоріей духовъ. Допустимъ, что начались массовыя неудачи на охотѣ. Обычно, причины такихъ неудачъ, если не произошло уменьшенія количества животныхъ вслѣдствіе миграціи или эпидеміи,—фактовъ всегда хорошо извѣстныхъ охотникамъ,—лежатъ въ ослабленіи бдительности, забывчивости и др. психологическихъ причинахъ заключающихся въ самомъ охотникѣ. Массовое явленіе неудачъ анимистомъ можетъ быть объяснено только внѣшними причинами, лежащими внѣ индивидуума. Такимъ объясненіемъ является обычно предположеніе о вмѣшательствѣ, и при томъ вредномъ, духовъ. Духи, добываясь жертвъ или вниманія къ себѣ или быть можетъ просто мстя давнему роду, мѣшаютъ людямъ урромыслить добычу²⁾ и массовыя неудачи промысла иногда грозятъ роду голодомъ и гибелью. Но воздѣйствіе на духовъ можетъ спасти родъ³⁾ и чѣмъ скорѣе произойдетъ

¹⁾ Подробное описаніе этихъ особенностей рода много будетъ сдѣлано въ особой работѣ, касающейся организаціи общества у тунгусовъ.

²⁾ Весьма сильно распространено предположеніе о томъ, что негодными нѣкоторымъ духамъ дѣйствіи иногда лишаютъ охотника возможности убить животное. Хотя ружье и хорошо, но охотникъ не можетъ не промахнуться, и онъ всегда, дѣйствительно, промахивается, даже и тогда, когда у него нѣтъ иныхъ ресурсовъ для существованія.

³⁾ Массовыя нарушенія психической и нервной устойчивости наблюдаются въ цивилизованномъ обществѣ, конечно, точно также, особенно же въ періоды нарушенія обычнаго этнографическаго уклада жизни. Проявленія ихъ носятъ различныя наименованія, но борьбы, какъ у тунгусовъ, ввиду отсутствія упрощеннаго родового устройства, съ ними не вѣдется, вслѣдствіе чего пріостановка нормальныхъ общественныхъ функций оказывается значительно болѣе продолжительной.

вынужденность рода въ это явленіе, тѣмъ скорѣе родъ избавится отъ угрожающей ему опасности.

Допустимъ теперь, что люди начинаютъ видѣть всюду непонятныя явленія, въ видѣ отступленій отъ нормы, какъ напримѣръ, движеніе деревьевъ съ мѣста на мѣсто, появленіе особыхъ существъ и т. д. Такое состояніе дѣлаетъ людей безпокойными и боязливыми, что иногда можетъ имѣть нежелательныя послѣдствія, особенно вслѣдствіе распространенной и заразительной болѣзни эмпиричества. Теорія духовъ и здѣсь помогаетъ. Анимистъ говоритъ: духи чѣмъ-то недовольны, они чего-то хотятъ и поэтому проявляютъ свою активность. Достаточно удовлетворить духовъ и появленіе ихъ прекратится, а родъ избавится отъ опасности. Наконецъ, явленія массовой истеріи мнѣ уже пришлось коснуться въ предыдущей части.

Всѣ эти факты имѣютъ нѣчто общее, а именно возбуждателемъ этихъ необычныхъ для установленнаго уклада жизни явленій являются духи. Вслѣдствіе естественнаго тяготѣнія къ психической устойчивости и консерватизма, упорно поддерживаемаго всѣми народами, для объясненій этихъ явленій примѣняется теорія духовъ, которая позволяетъ тунгусамъ регулировать отклоненія отъ обычнаго психическаго равновѣсія, нарушеніе котораго ничего кромѣ страданій народу не приноситъ.

Но лишь только создана теорія духовъ, вліянія и особенности которыхъ достаточно изучены, тогда сами духи начинаютъ воздѣйствовать на психику и, быть можетъ, иногда¹⁾ служить источникомъ массовыхъ психическихъ и нервныхъ заболѣваній. Тѣмъ не менѣе полагаю, что въ настоящій моментъ опредѣлить, что является причиной и что слѣдствіемъ,—данное заболѣваніе есть слѣдствіе теоріи духовъ или теорія духовъ есть слѣдствіе, быть можетъ, неизбѣжныхъ заболѣваній,—не представляется возможнымъ.

Въ предыдущемъ уже было сказано, что количество духовъ, съ ростомъ знаній возрастаетъ. Если появляется какое-нибудь новое, раньше неизвѣстное явленіе или находится объясненіе равнѣе необъяснимому, то соотвѣтственно этому появляются и новые духи. Въ интересахъ рода оказывается знаніе *всѣхъ* духовъ и лица, интересующіяся этимъ и знающія отношенія духовъ и способы воздѣйствія на нихъ, являются необходимыми и цѣнными для рода. Такимъ образомъ родъ, оказывая моральную, а иногда и матеріальную помощь этимъ

¹⁾ Массовыя психическія и нервныя заболѣванія существуютъ въ большей или меньшей степени у всѣхъ племенъ и народовъ, во всѣ времена, безъ различія степеней культуры и цивилизаціи. Это отклоненіе отъ обычной нормы психической устойчивости, быть можетъ, какъ естественное слѣдствіе развитія психики народовъ, существуетъ какъ общее явленіе, характерное для всего человечества. Поэтому причиной массовыхъ заболѣваній (отклоненій) върованіе въ духовъ, какъ таковое, быть не можетъ. Въ средніе вѣка въ Европѣ на почвѣ религіознаго экстаза было немало аналогическихъ явленій, но нигдѣ ихъ никто тогда не почиталъ за массовую ненормальность. Появленіе массовыхъ психическихъ заболѣваній теперь на почвѣ искусства, общественныхъ отношеній и т. п. понято будетъ лишь впоследствии, какъ намъ понятно теперь массовыя заболѣванія средневѣковья. Но въ обоихъ случаяхъ за скобку выносятся массовое психическое заболѣваніе. Такимъ образомъ частныя возбуждители его въ томъ и другомъ случаѣ для отысканія основной причины заболѣванія значенія, кажется, не имѣютъ.

людямъ принимаетъ на себя заботу по борьбѣ съ вредными дѣйствіями духовъ. Такъ на примѣръ однимъ изъ способовъ воздѣйствія на духовъ, какъ было указано, являются періодическія жертвоприношенія поэтому въ жертвоприношеніяхъ обычно участвуетъ весь родъ, даже въ томъ случаѣ, если организаторомъ и инициаторомъ его является отдѣльная семья. Этотъ актъ имѣетъ общеродовое значеніе. Такъ и всякое дѣйствіе, имѣющее вліяніе на духовъ, разсматривается, какъ имѣющее общеродовое значеніе и родъ беретъ его подъ свой контроль.

Если установленъ фактъ существованія духовъ и специально духовъ родовыхъ и установлено, что способомъ воздѣйствія на нихъ можетъ быть вмѣщеніе духовъ въ шамана и черезъ посредство него направленіе ихъ дѣятельности въ желательную для рода сторону, то шаманъ и его дѣятельность становятся вопросомъ общеродовой компетенціи и интереса. Поэтому все шаманство у тунгусовъ является функцией рода, а шаманъ однимъ изъ органовъ его.

Въ чемъ же заключаются функции самого шамана?

Помощь шамана ищется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда люди путемъ увѣщаній и жертвоприношенія не могутъ устранить или ослабить вредное дѣйствіе духовъ, установить причину ихъ недовольства и вредности и опредѣлить, какой именно духъ дѣйствуетъ. Шаманъ, установивъ духа и причины его вредности, долженъ устранить послѣднюю. Кроме того, въ предупрежденіе нежелательныхъ дѣйствій со стороны духовъ, шаманъ долженъ держать ихъ, такъ сказать, все время на учетѣ, при помощи подчиненныхъ ему духовъ предупреждать вредности дѣйствія остальныхъ и даже охранять отъ всѣхъ духовъ своихъ сородовичей. Наконецъ, шаманъ при помощи своихъ духовъ долженъ предвидѣть и предсказывать будущее, но самое, пожалуй, главное, это подчиненіе шаманамъ духовъ, остающихся безъ хозяина и причиняющихъ сородовичамъ его вредъ.

Такимъ образомъ, у тунгусовъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ духами, шаманъ одновременно является родовымъ жрецомъ, волхвомъ, врачомъ и знахаремъ. Обязанности и дѣятельность его являются чисто общественными и чѣмъ шире развито познаніе о духахъ и чѣмъ слабѣе развито объясненіе явленій причинами лежащими внѣ дѣятельности духовъ, тѣмъ необходимѣе шаманъ. Частью эти многообразныя функции исполняются и другими членами рода. Такъ на примѣръ, у манджуровъ, какъ это было указано, существуютъ спеціальныя родовые жрецы. Иногда эти функции несутся и рядовыми членами рода. У народностей, живущихъ по близости къ ламаицамъ и китайцамъ, обязанности врача иногда исполняются ламами и китайскими докторами. Точно также у нѣкоторыхъ тунгусовъ бываютъ люди, знающіе заговоры и пользованіе нѣкоторыми средствами. Чѣмъ шире развивается знаніе и знакомство съ другими народами, тѣмъ больше сокращаются функции шамана, но нѣкоторыя изъ нихъ сокращены быть, во всякомъ случаѣ въ ближайшее время, не могутъ, — а это именно, психическія заболѣванія и борьба съ духами, не покрываемыми новыми знаніями народа.

Допустимъ, что человекъ заболѣлъ психически, вслѣдствіе того, что какой-нибудь духъ испугалъ его и душа его покинула тѣло,

а вмѣсто нея вмѣстился испугавшій духъ или какой-нибудь другой. Въ такомъ случаѣ шаманъ изгоняетъ вмѣстившагося духа и возвращаетъ на свое мѣсто душу человека. Человекъ становится здоровымъ. Технически достигается это различными способами, но основное дѣйствіе заключается въ томъ, что вниманіе больного приковывается къ шаману и его воля подчиняется духамъ шамана. Если это возможно достигнуть, то больной, вѣря въ то, что онъ оказался вмѣстилищемъ духа и лишенъ своей души, при внѣшнихъ знакахъ удаленія вмѣстившагося духа и возвращенія удаленной души, начинаетъ считать себя здоровымъ и, дѣйствительно, выздоравливаетъ. Поэтому, между прочимъ, у шаманистовъ есть рядъ ритуаловъ наивно-безсмысленныхъ съ точки зрѣнія людей невѣрующихъ въ духовъ. Позволю себѣ привести аналогію: людямъ, лишеннымъ понятій морали, слова убѣжденія уважать личность другого и внѣшнія проявленія уваженія къ ней могутъ казаться и наивными и безсмысленными, но для людей, признающихъ понятія морали и слова убѣжденія и внѣшнія проявленія уваженія личности полны глубокаго смысла и вліянія, такъ какъ являются лишь частью цѣлой системы мышленія. По аналогіи: ироническое описаніе варварскихъ пріемовъ шамановъ столь же основательно, какъ и ироническое отношеніе нѣкоторыхъ людей къ моральнымъ нормамъ, которыми руководятся люди, признающіе эти нормы, такъ какъ это является простымъ противоположеніемъ однихъ этнографическихъ привычекъ и понятій другимъ и иронія является лишь выраженіемъ непониманія этого явленія и искренней привязанности къ своимъ собственнымъ обычаямъ и понятіямъ. Замѣчу здѣсь, что для шаманиста существенна не форма, а сущность, вкладываемая въ эту форму, т. е. вѣра въ эффективность дѣйствій шамана.

Примѣненіе гипнотизма въ современной медицинѣ, несмотря на сравнительную молодость этого метода леченія, получило достаточно широкое примѣненіе, даже при томъ условіи, что въ настоящее время среди цивилизованныхъ народовъ вѣра въ медикаменты несомнѣнно господствует¹⁾.

Въ своихъ гипнотическихъ пріемахъ врачу приходится приспосабливаться къ больному, учитывая его умственное и культурное состояніе. Шаману, если въ его способности вѣрить больной, этого дѣлать не приходится, но дѣйствуя по опредѣленнымъ правиламъ, онъ подчиняетъ волю больного своимъ духамъ, которымъ предоставляетъ дѣйствовать и является, такимъ образомъ, гипнотизеромъ-врачемъ *ритуальнымъ*.

¹⁾ Нервное состояніе мнительность влечетъ за собою иногда всѣ внѣшнія проявленія дѣйствительнаго заболѣванія; по мнѣнію многихъ врачей, изъ числа ихъ пациентовъ добрая половина вполне здорова, но нуждается все-таки въ какомъ-то леченіи, такъ какъ считаетъ себя больной; отказывать въ леченіи такимъ больнымъ невозможно, такъ какъ это неминуемо должно вызвать обостреніе мнимой болѣзни. Нѣкоторые мнимо-больные иногда *желаютъ* быть больными и лечатся всю жизнь, считая себя, дѣйствительно, больными. По словамъ врачей, люди къ нимъ обращаются въ самомъ началѣ дѣйствительныхъ болѣзней гораздо рѣже, чѣмъ съ мнимыми или совершенно запущенными болѣзнями. Любопытно, что напримѣръ, нервные люди, изучающіе медицину, по мѣрѣ изученія различныхъ болѣзней успѣваютъ переболѣть чуть-ли не всѣми изученными ими болѣзнями.

Къ техническимъ приемамъ гипноза можно отнести ритмическую, утомляющее вниманіе больного, музыку и цѣніе шамана, ритмическое поколачиваніе больного колотушкой и др. Съ точки зрѣнія психологій, разница между врачомъ и шаманомъ заключается, конечно въ томъ, что шаманъ самъ вѣритъ въ то, что опредѣленный ритуаль требуется духомъ, а иногда и самъ онъ дѣйствуетъ совершенно безсознательно, повторяя то, что дѣлали другіе, ранѣ видѣнные имъ шаманы.

Можно думать, что въ случаяхъ инфекціонныхъ и конституціонныхъ заболѣваній элементъ внушенія бодрости больному и вѣры въ то, что содѣйствіе духовъ будетъ благотвительно, до извѣстной степени содѣйствуетъ болѣе благопріятному теченію болѣзни¹⁾.

При томъ условіи, что у тунгусскихъ народностей психическихъ и нервныхъ заболѣваній, едва ли не больше, чѣмъ у другихъ народовъ, можно считать, что функціи шамановъ въ отношеніи леченія этихъ болѣзней исключительно важны, даже съ точки зрѣнія европейской медицины, а съ точки зрѣнія самихъ тунгусовъ жизненно необходимы.

Выше я уже касался случая воздѣйствія шамановъ на духовъ, мѣшающихъ успѣшной охотѣ и т. п. Теперь допустимъ, что какой-нибудь духъ, желая отомстить чезовѣку или получить отъ него мзду въ видѣ почета или жертвы, началъ чинить препятствія ему въ дѣлѣ снисканія средствъ къ существованію. Такъ разсуждаетъ страдающій отъ дѣйствій духовъ человекъ и самъ шаманъ. Вѣра въ злостныя дѣйствія духа настолько сильна, что человекъ, не желая того, сознательно самъ избѣгаетъ и при томъ совершенно безсознательно успѣшнаго исхода своихъ начинаній. Если онъ идетъ на охоту, то онъ становится недостаточно внимательнымъ, не учитываетъ производимаго имъ шума, направленія вѣтра, наконецъ неправильно прицѣливается и т. д. Такое состояніе его будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока онъ самъ, если умѣетъ, или шаманъ не разрушитъ вѣру его въ чинимыя духами препятствія. Поэтому участіе шамана въ регулированіи жизни духовъ и въ этомъ отношеніи необходимо. Шаманъ, держа духовъ на учетѣ, можетъ предупредить нежелательныя дѣйствія духовъ и это приноситъ людямъ необходимое для успѣшной работы спокойствіе. Поэтому также для общаго спокойствія необходимы различныя духи покровители благополучія рода и постоянныя воздѣйствія на нихъ со стороны шамана. Когда же безпокойное состояніе умовъ пріобрѣтаетъ массовый характеръ, тогда дѣятельность шамана для жизни и безопасности рода становится особенно необходимой.

Еще больше, наконецъ, значеніе шамана, какъ хранителя родовыхъ духовъ. При изложеніи путей, какими создается новый шаманъ я уже подходилъ къ этому вопросу. Допустимъ, что въ родѣ нѣтъ шамана, но духи, оставшіеся безъ хозяина бродятъ въ родѣ, порождая нервныя заболѣванія. Эти заболѣванія иногда принимаютъ такіе широкіе размѣры и настолько сильно поражаютъ людей, что жизнь членовъ рода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего рода, дѣлается угрожаемой.

¹⁾ Дѣйствія шамана въ этомъ случаѣ замѣняютъ успокаивающія и усыпляющія средства европейской медицины.

Появленіе новаго шамана и принятіе имъ духовъ излѣчиваетъ остальныхъ возможныхъ кандидатовъ въ шаманы и въ родъ наступаетъ мало по малу общее успокоеніе. Когда шаманъ уже созданъ, онъ начинаетъ успокаивающе дѣйствовать на слабыхъ членовъ рода, освобождая ихъ отъ вредоносныхъ дѣйствій духовъ, чѣмъ вносится дальнѣйшее успокоеніе. Если же при существованіи шамана тѣ же заболѣванія снова возникаютъ и въ родѣ появляются пришлые духи, то либо шаманъ ихъ забираетъ къ себѣ, либо изгоняетъ ихъ куда-нибудь подалеже, сбывая ихъ иногда шаманамъ другого рода. Если шаманъ по неумѣнью или по нежеланію своему не въ состояніи справиться съ вновь появившимися духами, то обычно появляется новый шаманъ, который ихъ и беретъ къ себѣ. Тогда въ родѣ снова наступаетъ успокоеніе. Въ мѣстахъ же, гдѣ живутъ нѣсколько родовъ или нѣсколько народностей, — дауры, манджуры, китайцы, ивынки, русскіе и т. д. — могутъ появляться духи, которыхъ забираетъ къ себѣ кто-нибудь изъ шамановъ безъ различія рода или народности. Изъ этого слѣдуетъ, что по отношенію къ роду (а иногда и населенію данной территоріи) шаманъ является предохранительнымъ клапаномъ для психическихъ заболѣваній и если одного клапана недостаточно, то создаются второй и третій клапаны. Эта сторона дѣятельности шамана имѣетъ значеніе, размѣры котораго громадны, но трудно поддается учету. При современномъ состояніи знаній среди тунгусскихъ народностей, отсутствіе шамановъ быть можетъ грозило бы этимъ народностямъ самыми тяжелыми послѣдствіями¹⁾.

Вслѣдствіе исключительно большаго значенія шамановъ въ жизни рода, вліяніе ихъ на отдѣльныхъ индивидуумовъ также велико. Прежде всего, шаманъ дѣйствуетъ *не лично*, но черезъ его посредство дѣйствуютъ духи, являющіеся выраженіемъ коллективной психологіи; кромѣ того, опыты борьбы съ сильными духами всегда кончаются неудачей для человѣка, доказательствъ чему у каждой народности существуетъ немало. Такимъ образомъ въ психикѣ каждаго индивидуума заложено добровольное подчиненіе духамъ и шаману, когда въ него уже вмѣстился духъ. Распоряженіямъ духа подчиняются всѣ безпрекословно, стараясь лишь понять желанія духа въ возможно болѣе благоприятномъ и выгодномъ для себя смыслѣ, что, конечно, вполне понятно. Споры же и торгъ съ духами возможны на общемъ основаніи пониманія анимистами природы духа.

Когда духъ уже вмѣстился въ шамана, люди становятся сразу наэлектризованными его присутствіемъ. Они ловятъ каждое его слово, они подчиняютъ ему свою волю и создаютъ атмосферу напряженности и ожиданія чего-то необыкновеннаго. Эта психологія передается отъ одного человѣка къ другому, особенно усиливается, когда при камланіи бываетъ много народу. Понятно также, что многолюдіе дѣйствуетъ возбуждающе и на самаго шамана, усиливая тѣмъ самымъ его вліяніе на людей. Когда тѣсная связь между шаманомъ и

¹⁾ Созданіе предохранительныхъ клапановъ отъ массовыхъ психическихъ заболѣваній и отклоненій отъ установившагося психическаго равновѣсія, является естественной функціей всякаго общественнаго организма. Поэтому сама борьба съ появленіемъ такихъ клапановъ является проявленіемъ болѣзненнаго состоянія всего организма, утерявшаго инстинктъ самосохраненія и можетъ быть только вредной и усиливающей это болѣзненное состояніе.

аудиторіей установлена, тогда духъ овладѣваетъ всѣми,—что онъ желаетъ, что онъ чувствуетъ, то передается и аудиторіи. Поэтому не удивительно утвержденіе шаманистовъ, что сильные шаманы пребываютъ подвѣшенными въ воздухъ въ теченіи продолжительнаго времени, вылетаютъ черезъ дымовое отверстіе юрты, расположенное иногда на высотѣ 3—4 метровъ и т. п. Извѣстны случаи, когда по указанію духовъ въ рукахъ у людей оказывались вещи, которыхъ они раньше не имѣли и оказались у нихъ въ рукахъ безъ участія и приближенія къ нимъ шамана. Вполнѣ понятны и массовыя галлюцинаціи во время камланія, а также проявленія функций подсознанія, такъ какъ сознание въ эти моменты бываетъ подавлено.

Каковы функціи и энергія подсознательной дѣятельности и чувствъ человѣка въ моменты, когда подсознательная дѣятельность доминируетъ, это еще мало изучено и еще меньше изучено проявленіе ихъ на группахъ индивидуумовъ. Понятно, что внушенія и вліяніе шамановъ на людей при этихъ условіяхъ должны достигать той исключительной силы¹⁾, когда люди становятся слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ шамана, который въ свою очередь является орудіемъ духа.

Насколько велико общественное значеніе шамана и вліяніе его на людей, настолько обычно они несчастны въ своей личной жизни.

Начиная съ первыхъ моментовъ, когда будущій шаманъ еще бываетъ кандидатомъ, онъ уже испытываетъ страданія. Далекое не всегда этотъ періодъ оканчивается для него безрезультатно. Если во время не приняты мѣры, случается, что шаманъ остается на всю жизнь калѣкой, вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ во время первыхъ посвщеній духовъ. Въ послѣдующую жизнь, растратившая много энергіи на камланіе, переутомляя себя свыше мѣры, находясь все время въ состояніи готовности принять духовъ, а слѣдовательно въ состояніи большого нервнаго напряженія, шаманы никогда не имѣютъ здороваго, беззаботнаго вида, но обычно истощены, худы, всегда задумчивы и сосредоточены.

Сложнѣйшая психическая жизнь этихъ людей, у которыхъ подсознательная жизнь развита свыше обычной мѣры, которые все время, даже во снѣ, находятся подъ вліяніемъ духовъ и постоянно пользуются своимъ сномъ для сношеній съ другими шаманами и духами, накладываетъ на нихъ особый отпечатокъ. Тѣмъ не менѣе, они женятся и выходятъ замужъ, ставъ уже шаманами, работаютъ наравнѣ съ другими и въ частной жизни ничѣмъ не отличаются отъ другихъ людей, если не считать постоянной заботы о шаманскихъ принадлежностяхъ и вмѣстилищахъ для духовъ, которые должны быть все время подъ наблюденіемъ во избѣжаніе того, чтобы кто-нибудь не спугнулъ изъ нихъ духовъ. Несмотря на то, что никакого особаго содержанія отъ рода и никакой платы за камленіе отъ

1) Мы неоднократно приходилось слышать отъ русскихъ скептиковъ о тѣхъ чудесахъ, которые свершаютъ шаманы. Любопытный случай былъ мнѣ рассказанъ о силѣ одной большой шаманки. Двое русскихъ рыбопромышленниковъ обвинили шаманку въ томъ, что она ихъ обманываетъ. Для испытанія ея они бросили въ рѣку золотую монету и просили шаманку достать ее. Шаманка послѣ продолжительнаго и труднаго камланія велѣла рыбопромышленнику показать закатую въ кулакъ руку его и въ ней оказалась золотой. Послѣ этого маловѣрные спорщики стали сильно ее бояться.

сородовичей они не получают, тѣмъ не менѣе каждый моментъ ихъ могутъ потребовать къ исполненію долга и рѣдкій шаманъ, особенно если это шаманъ опытный умѣющій владѣть собою, откажетъ просителю. Онъ покорно собирается и ѣдетъ иногда за сотни верстъ, а иногда по собственному наитію отиравается туда, куда влекутъ его духи, бросая свои личныя дѣла. Нѣкоторую плату шаманъ получаютъ только отъ чужеродныхъ людей, но и въ этомъ случаѣ плата выражается обычно одной-двумя бутылками алкогольных напитковъ, платкомъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ этому. Не брать съ чужеродныхъ людей подарка шаманъ не можетъ по обычаю.

Между тѣмъ трудности, которыя окружаютъ шамана въ жизни, дѣйствительно, велики.

Будучи переобремененъ обязанностями и подавленъ духами, шаманъ не можетъ отдавать все свое время снисканію средствъ къ жизни и поэтому бѣднѣйшими людьми рода обычно бываютъ шаманы. Больше того, временами духи имъ воспрещаютъ охоту, рыбную ловлю и т. д., что ставитъ ихъ тогда въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Отношеніе къ шаману со стороны окружающихъ боязливое. Шаманы другъ съ другомъ ведутъ борьбу. Со стороны духовъ ихъ жизнь постоянно подвергается опасности и наконецъ, въ настоящее время ихъ преслѣдуютъ почти повсѣмѣстно органы государственной власти.

Вслѣдствіе того, что шаманъ является хозяиномъ родовыхъ духовъ, отношеніе которыхъ къ членамъ другихъ родовъ не всегда благожелательно, обычно люди къ шаманамъ относятся, особенно чужероднымъ, крайне осторожно. Говорятъ, что если шаманъ человѣкъ добрый и хороший, то онъ не злоупотребитъ въ личныхъ цѣляхъ своею властью надъ духами, но если шаманъ плохой человѣкъ, то онъ можетъ причинить людямъ много зла и въ такомъ случаѣ личнаго расположенія его ищутъ всѣ безъ исключенія. Кромѣ злой и доброй воли шамана приходится учитывать также и то, что сами духи иногда проявляютъ дѣятельность по своему почину, внѣ желаній шамана. Поэтому уже само присутствіе шамана съ чужеродными духами всѣмъ внушаетъ большое безпокойство. Достаточно духу безъ вѣдома шамана что-либо предпринять, какъ появляются больные, домашнія животныя гибнутъ и т. д. Однажды въ ывынкисское селеніе на берегу Амура пріѣхалъ шаманъ-дауръ. Онъ не шаманилъ, боясь китайскихъ властей, но тѣмъ не менѣе духи начали свою работу. Въ селеніи начался падежъ рогатаго скота, лошадей, свиней и т. д., среди людей появились болѣзни и другія несчастія. На собраніи жителей было рѣшено просить властей объ удаленіи шамана изъ селенія. Когда китайскія власти, ссылаясь на то, что шаманъ не проявляетъ видимой дѣятельности, отказались его выселить, жители селенія рѣшили прибѣгнуть къ помощи своихъ шамановъ. Послѣ упорной борьбы дѣло, наконецъ, кончилось тѣмъ, что было рѣшено сдѣлать жертвоприношеніе духамъ шамана—даура.

Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, люди, вообще говоря, шамановъ не долюбиваютъ и стараются отъ нихъ держаться подальше. Поэтому нерѣдко случается, что шаманъ живетъ совершенно изолированно,

что, конечно, въ сильной степени лишаетъ его жизнь прелести постоянного общенія съ людьми.

Еще опаснѣе дѣлается его жизнь, когда онъ начинаетъ войны съ другими шаманами. Поводовъ къ этому можетъ быть много. Особенно же часто начинаются войны¹⁾, вслѣдствіе того, что одинъ шаманъ конкурируетъ съ другими въ леченіи больного. Иногда же причиною войнъ является плохой характеръ шамана, стремленіе достигнуть уничтоженія другихъ по соображеніямъ тщеславія и т. п. Для борьбы шаманъ посылаетъ своихъ духовъ на *дороги* духовъ другихъ шамановъ и тамъ они перехватываютъ духовъ противника, вмѣщаются въ людей и вещи, къ которымъ доходятъ по этимъ *дорогамъ* и т. п. Такимъ образомъ духи одного шамана могутъ проникнуть въ родъ (въ семью) другого шамана и тамъ остаться съ злостными цѣлями. Иногда же такіе духи пожираютъ жертвы для нихъ не приготовленныя. Чтобы скрыться отъ шамана, противникъ его посылаетъ своихъ духовъ подъ видомъ самыхъ незамѣтныхъ животныхъ, которыя наблюдаютъ за образомъ жизни шамана и доносятъ своему хозяину. Для уничтоженія врага шаманы посылаютъ духовъ въ видѣ медвѣдей, тигровъ и другихъ опасныхъ животныхъ.

Войны между шаманами не всегда кончаются смертью противника. Такъ, однажды одинъ шаманъ кумарскихъ ывынки (въ Сѣв. Маньчжуріи) при помощи своихъ духовъ согнулъ шею шаману амурскихъ ывынки и тотъ остался калѣкой на всю жизнь. Но иногда шаманскія войны кончаются почти полнымъ истребленіемъ всѣхъ шамановъ и, даже болѣе того, всѣхъ близкихъ сородовичей этихъ шамановъ. Иногда же борьба шамана направлена противъ домашнихъ животныхъ другого шамана и онъ не остановится, пока не уничтожитъ всѣхъ животныхъ. Не всегда шаману удается владѣть духами. Достаточно шаману только начать войну, а духи ее продолжаютъ уже сами и борьба идетъ внѣ воли шамана. Любовь къ войнамъ шамановъ и тяжкія послѣдствія, происходящія отъ этого, нѣкоторыхъ людей наталкиваютъ на мысль вообще отказаться временно отъ шамановъ, чтобы воинственные шаманы вывелись совершенно. Въ одномъ изъ родовъ маньчжурскихъ ывынки послѣ большого зла, причиненнаго однимъ шаманомъ другимъ шаманамъ и людямъ, собрались вмѣстѣ четыре шамана и рѣшили его уничтожить. Они подослали противъ него духа въ видѣ медвѣдя, который на шамана внезапно бросился. Шаманъ успѣлъ скрыться въ свое жилище, но тутъ онъ былъ невидимо пораженъ духами и, умирая, успѣлъ сказать, что и остальные шаманы пойдутъ за нимъ. Всѣ четверо вскорѣ послѣ этого умерли отъ различныхъ причинъ и этотъ родъ нѣкоторое время оставался безъ шамановъ, пока болѣзнь отъ освободившихся духовъ не заставила снова обратиться къ тому, чтобы создать новаго шамана.

Опасность для шамана со стороны его собственныхъ духовъ также велика. Если шаманъ не угождаетъ имъ, то они его оставляютъ на произволъ другихъ духовъ. Былъ слѣдующій случай у тѣхъ же тунгусовъ. Однажды шаманъ былъ долгое время преслѣдуемъ какимъ-

¹⁾ Ывынки Сѣверной Маньчжуріи узнаютъ воюющихъ шамановъ по ихъ стремленію прикрывать локтемъ входное отверстіе для духовъ въ костюмъ, расположенное сбоку, немного выше талия.

то духомъ. Обращеніе къ духамъ подчиненнымъ ему окончилисъ неудачей. Тогда шаманъ рѣшился принять энергичныя мѣры: сдѣлалъ небольшое изображеніе, вмѣстилъ туда вреднѣшаго ему духа (какой, именно, былъ духъ ему это не было извѣстно) и нанесъ ему рядъ ударовъ ножемъ. Возвращаясь домой и подходя къ своему жилищу, онъ внезапно пришелъ въ состояніе возбужденія и тѣмъ же самымъ ножемъ нанесъ рядъ смертельныхъ ранъ самому себѣ, послѣ чего умеръ. Оказалось, что его собственный духъ, желая освободиться отъ негоднаго ему хозяина, вызвалъ шамана на расправу сначала съ нимъ съ собой вмѣщеннымъ, въ изображеніе, вмѣстился затѣмъ въ шамана и тотъ повторилъ ту же операцію, но уже надъ своимъ собственнымъ тѣломъ. Еще чаще бываютъ случаи, когда духи мѣшаютъ шаману въ промыслѣ, отводятъ отъ него звѣря, пугая его и такимъ способомъ предупреждая объ опасности со стороны нелюбимаго ими шамана. Мстительность духовъ велика и шаманъ отъ нея не гарантированъ.

Къ указаннымъ трудностямъ въ жизни шамана прибавляется борьба съ шаманствомъ и шаманами, которую ведетъ какъ русское, такъ и китайское правительства и которая ставитъ шамана и въ худшее по сравненію съ другими людьми правовое положеніе. Въ XVII вѣкѣ въ началѣ появленія русскихъ въ Забайкальѣ тамъ даже сожигали на кострахъ шамановъ, какъ еретиковъ. Въ послѣдствіи такія суровыя мѣры борьбы были оставлены, но сожженіе костюмовъ и шаманскихъ принадлежностей практиковалось и въ концѣ прошлаго столѣтія, а шаманы, принявшіе христіанство, наказывались по закону. Въ Китаѣ во времена маньчжурской династіи, когда при императорѣ существовалъ цѣлый шаманскій приказъ, положеніе шамановъ было вполне сносно. Теперь же, когда китайцы искореняютъ національный духъ маньчжуровъ со всею жестокостію, на которую они способны, въ мѣстностяхъ, гдѣ есть представители китайскихъ властей, положеніе шамановъ стало весьма тяжелымъ. Власти предпринимаютъ періодически походы противъ шамановъ. Ихъ арестовываютъ, заключаютъ въ тюрьмы, наказываютъ тѣлесно и тщательно уничтожаютъ шаманскіе костюмы и принадлежности. Въ Маньчуріи шаманство сдѣлалось тайнымъ и для маньчжуровъ служить несомнѣнно однимъ изъ способовъ поддержанія національнаго маньчжурскаго духа. Борьба путемъ преслѣдованія личности шамана и людей, вѣрящихъ въ шамана, едва ли можетъ быть успѣшна, если взаимнѣ шаманства ничего не дается. Причины, породившія шаманство, такими способами борьбы не устраняются, но отсутствіе и стѣсненіе дѣятельности шамановъ приводитъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя бываютъ въ періоды отсутствія шамановъ въ родѣ. Родъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся народность, лишается того предохранительнаго клапана, который предупреждаетъ массовыя заболѣванія и такимъ образомъ подготавливается почва для безпрепятственнаго развитія ихъ. Насколько это рационально съ точки зрѣнія государственной, можно рѣшить лишь путемъ сравненія историческихъ заболѣваній до начала борьбы съ шаманствомъ и послѣ. На территоріи Россіи эта борьба ведется менѣе интенсивно, но и то свидѣтельства всѣхъ тунгусовъ совпадаютъ съ утвержденіемъ тунгусовъ, проживающихъ въ Маньчуріи, что во времена, когда шаманы

отправляли свои функции безпрепятственно, заболѣвавшей отъ духовъ было гораздо меньше, чѣмъ теперь. Можно только рѣшительно утверждать, что, не давъ ничего взамѣнъ стройной теоріи духовъ, невозможно вытравить изъ сознанія народа признаніе необходимости и желательности имѣть шамановъ и ослабленіе преслѣдованія и постоянного наблюденія неминуемо должно привести къ возстановленію шамановъ.

Прежде чѣмъ перейти къ заключительной части, я считаю не безинтереснымъ остановиться на вопросѣ о путяхъ дальнѣйшаго развитія шаманства и тѣхъ перспективахъ, которыя, вѣроятно, ожидаютъ его

Мнѣ приходилось неоднократно указывать на то, что шаманизмъ мирится съ любой религіей, приспособляясь къ ней и пополняя системы духовъ новыми знаніями. Манджурскіе ывынки безпрепятственно приняли нѣкоторыя китайскія теоріи, касающіяся духовъ и ихъ функций. Вмѣстѣ съ этимъ проникли и нѣкоторые нынѣ неизвѣстные шаманистамъ приемы борьбы съ этими духами. Большое значеніе въ измѣненіи взглядовъ на нѣкоторыя явленія, раньше объяснявшіяся дѣятельностью духовъ, имѣло также проникновеніе медицинскихъ знаній, въ принципѣ признаваемыхъ шаманизмомъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, область шаманства должна значительно сократиться. Едва ли меньшую роль въ этомъ процессѣ играютъ также причины чисто психологическаго свойства. Безпокойство, причиняемое духами непосредственно и черезъ шамановъ, а также самими шаманами, какъ указывалось, приводитъ нѣкоторыхъ людей къ идеѣ полного отказа отъ шамановъ. У манджурскихъ ывынки по отношенію къ большинству буркановъ употребляется теперь личное обращеніе и жертвоприношеніе, замѣняющее обращеніе черезъ посредство шаманскихъ духовъ. Достаточно достигнуть благопріятнаго результата нѣсколько разъ, какъ потребность въ шаманѣ начинаетъ ослабѣвать. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ тѣ же ывынки въ нѣкоторыхъ родахъ не имѣли шамановъ по нѣскольку лѣтъ подрядъ и возвращались къ шаманству лишь по возобновленіи психическихъ и нервныхъ заболѣвацій, количество которыхъ неминуемо должно было также сократиться, вслѣдствіе появленія специалистовъ, знающихъ молитвы и жертвоприношенія. Изъ этихъ специалистовъ могутъ выработаться впоследствии профессионалы жрецы.

Какъ весьма интересную причину постепеннаго угасанія шаманства, которое наблюдается у манджуровъ, можно указать чрезмѣрное развитіе и обособленіе ритуала. Манджуры, подобно другимъ азіатскимъ народамъ, благоговѣя передъ письменностью, стремятся придерживаться возможно ближе къ произведеннымъ уже давно записямъ. Лишь только ритуальъ начали записывать, у нихъ, какъ любителей письменности, появилось желаніе зафиксировать и обращенія и списки духовъ. У каждаго рода въ итогѣ получились сравнительно большія записи по ритуалу, молитвословію и систематикѣ духовъ. Записи эти тщательно прячутся отъ чужеродныхъ и, пополняясь данными о новыхъ духахъ, растутъ въ каждомъ родѣ самостоятельно. Но, несмотря на секретность этихъ записей, кое-что изъ нихъ дѣлается извѣстнымъ и другимъ родамъ, которые, пользуясь новыми

данными, пополняют свои собственные записи. Таким образом, записи растут, но сама наличность их и стремление соблюдать «древнія правила» дѣлаютъ выполнение ритуала почти невозможнымъ. На этой почвѣ рождаются споры, разрѣшаемые уже всемъ родомъ, и естественное недовольство всехъ противорѣчями, возникающими изъ наличія древнихъ записей и нововведеній. У народностей немѣющихъ письменности, какъ было сказано, происходитъ постепенная замѣна однихъ духовъ другими и однихъ ритуальныхъ пріемовъ другими незамѣтно, подчинясь естественной ограниченности памяти людей. У манджуровъ же наблюдается ненормальное развитіе шаманизма, такъ какъ все старое сохраняется, несмотря на свою несовременность ввиду роста общихъ познаній, и пополняется новыми элементами, которые входятъ въ неизбежный конфликтъ со старинными обычаями и понятіями. Въмѣстѣ же съ этимъ естественное почтительное уваженіе къ *древнему* заставляетъ ихъ держаться старинныхъ обычаевъ, отсутствіе пониманія которыхъ, опять-таки, вслѣдствіе ихъ архаичности, весь шаманскій ритуаль сводитъ къ формальному выполненію буквы закона древнихъ людей. Необходимость знанія записей и выполненія зафиксированнаго въ нихъ стараго ритуала превращаетъ шаманство изъ живой, подвижной системы въ сухой формализмъ, оставляющій мѣсто для сравненія и критики. Критика же въ вѣрованіяхъ это тотъ трупный ядъ, который теперь разлагаетъ не только одно шаманство. Такимъ образомъ, письменность манджуровъ привела къ формализму ихъ шаманство, ослабила эмоциональную сторону его и пріостановила естественное приспособленіе шаманства къ новымъ знаніямъ. Поэтому манджуры сами признаютъ, что у нихъ нѣтъ такихъ «сильныхъ шамановъ», какъ у «дикихъ вымыки».

Правда, у другихъ народностей удерживаются архаическіе ритуальные дѣйствія, слова и т. д., но въ этомъ случаѣ они сохраняются по *безсознательному желанію и признанію* людей, подвергаясь, вѣроятно, нѣкоторымъ незначительнымъ измѣненіямъ, дѣлающимъ данный актъ болѣе понятнымъ. Возможно также, что сохраненіе отдѣльныхъ древнихъ ритуальныхъ дѣйствій можетъ происходить также и по причинамъ ихъ эстетичности, таинственной символичности и др. частнымъ причинамъ, но сохраненіе всего древняго ритуала цѣликомъ лишаетъ все шаманское дѣйствіе понятнаго смысла дѣйствій: и далѣе, такъ какъ занятіе утонченнымъ эстетизмомъ и мистицизмомъ, основанными на таинственной архаичности ритуала для людей мало развитыхъ недоступно, то весь древній ритуаль цѣликомъ не можетъ сохраниться среди народностей, а особенно такихъ, которыя ищутъ прежде всего полезнаго и понятнаго дѣйствія со стороны духовъ и шамановъ.

VI. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Чтобы закончить настоящій „Опытъ“, я дамъ главнѣйшія положенія, которыя вытекаютъ изъ изложенія.

1) Анимистическая теорія, которая лежитъ въ основѣ признанія спеціально шаманскихъ духовъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ той средою въ которой только и можетъ существовать шаманство. На анимистическія теорія нельзя смотрѣть какъ на изжившія себя у народовъ европейской культуры, гдѣ эти теоріи въ зависимости отъ пріобрѣтенныхъ новыхъ данныхъ опыта претерпѣваютъ измѣненія, но въ существѣ своемъ онѣ не отличаются отъ анимизма примитивныхъ народовъ. Анимистическое мышленіе, такимъ образомъ, по настоящій день является господствующимъ среди народовъ всего міра, включая сюда самые высшіе слои цивилизованныхъ народовъ европейской культуры, на тунгусской же почвѣ анимизмъ является *первичнымъ условіемъ для появленія и развитія шаманства.*

2) Основнымъ признакомъ шаманства является *признаніе за нѣкоторыми людьми способности вмѣщать въ себя духовъ по своему желанію и усмотрѣнію и познавать явленія особымъ таинственнымъ путемъ при посредствѣ знаній и особыхъ способностей вмѣщенныхъ духовъ.* Этотъ признакъ шаманства не свойствененъ только одному шаманству, но также и другимъ способамъ общенія съ духами, признающимъ вмѣщеніе духовъ и возможность познанія черезъ нихъ особымъ, таинственнымъ путемъ. Признакомъ отличающимъ его отъ указанныхъ другихъ способовъ общенія являются *установленные ритуалы, костюмы и особое социальное положеніе шамановъ.* Нѣкоторые изъ указанныхъ признаковъ усваиваются и другими системами, комплексъ же ихъ, т. е. *признаніе вмѣщающихся, но подчиняющихся духовъ, установленіе ритуала, костюма и усвоеніе особаго социальнаго положенія шаманами и составляетъ шаманство.*

3) Во время камланія шаманъ стремится привести себя въ состояніе экстаза, чтобы роль своего *сознанія* по возможности свести на нѣтъ. Въ это время его мышленіе, освободившись отъ привычной послѣдовательности логическихъ моментовъ, подчиняется особой послѣдовательности, которая открываетъ ему возможность познанія внѣ рамокъ, привычныхъ для данной этнографической среды. Вмѣстѣ съ этимъ шаманомъ пріобрѣтается рядъ новыхъ возможностей сознательнаго и бессознательнаго воздѣйствія на людей, пути которыхъ еще не изучены, но многія явленія не могутъ быть уложены въ рамки обычнаго гипноза. Чѣмъ выше степень способности шамана подавлять свое сознаніе, тѣмъ „сильнѣе“ бываетъ шаманъ и тѣмъ шире и глубже можетъ быть его вліяніе на людей. Итакъ, во время камланія *сознаніе шамана подавлено, но повышены вліяніе на другихъ людей и способность познанія путями, выходящими за предѣлы способовъ мышленія привычныхъ для данной этнографической среды.*

4) Шаманамъ извѣстны приемы, укладывающіеся въ шаманскій ритуалъ, которыми они доводятъ себя до экстаза и произвольно поддерживаютъ это состояніе. Шаманъ, обладая особой повышенной нервной чувствительностью и способностью владѣть своимъ тѣломъ въ болѣе высокой степени по сравненію со средними людьми, для вы-

полненія своихъ функцій долженъ быть физически, нервно и психически здоровымъ человекомъ, такъ какъ физическая немощь не позволитъ ему владѣть собою по своему желанію, а нервное и психическое заболѣваніе въ рѣшительный моментъ можетъ воспрепятствовать поддержать состояніе экстаза и все камлааніе превратить въ обыкновенный нервный припадокъ. Итакъ, *шаманамъ извѣстно искусство приведенія себя въ экстазъ, поддержанію котораго болѣзненное состояніе шамана препятствуетъ.*

5) Нервные и психическія заболѣванія въ родѣ, которыя наблюдаются среди тунгусскихъ народностей въ весьма широкомъ масштабѣ, въ зависимости отъ момента подвержены усиленію и расширенію внутри рода. При особо интенсивномъ развитіи заболѣваній нормальная жизнь рода прекращается, что пагубно отзывается на его существованіи,—пониженныя питаніе и рождаемость, усиленная смертность и др. явленія являются слѣдствіемъ этого. Локалізация заболѣваній внутри данной народности достигается путемъ усвоенія убѣжденія, что распространеніе этихъ заболѣваній ограничивается преимущественно родомъ. Въ родѣ же заболѣванія прекращаются одновременно съ вмѣщеніемъ духовъ въ одного человека и подчиненіемъ ему ихъ. Такимъ образомъ шаманъ является, такъ сказать, предохранительнымъ клапаномъ отъ психическихъ заболѣваній. *Шаманство у тунгусовъ кардинально связано съ психическими заболѣваніями. Быть можетъ, основною причиною своего существованія оно имѣетъ стремленіе народности освободить себя отъ распространенія вредныхъ съ біологической точки зрѣнія психическихъ и нервныхъ заболѣваній, т. е. шаманство въ качествѣ предохранителя является способомъ самозащиты и проявленіемъ біологическихъ функцій рода.*

6) Шаманъ, въ качествѣ охранителя рода, несетъ на себѣ чисто родовыя функціи, что создаетъ условія для развитія личнаго вліянія шамана. Обладая знаніемъ приемовъ гипноза и другихъ, быть можетъ еще болѣе сильныхъ, способовъ воздѣйствія, шаманъ приобретаетъ личное вліяніе на людей. Вліяніе шамана бываетъ особенно интенсивно въ присутствіи большого количества людей, каковое явленіе подчиняется общимъ законамъ психологій толпы со всеми его послѣдствіями для возбудителя толпы, т. е. самаго шамана. Такимъ образомъ шаманъ, вслѣдствіе указанныхъ условій, *обладаетъ исключительно высокимъ личнымъ вліяніемъ на людей.*

7) Подъ вліяніемъ нервного ослабленія или заболѣванія шаманъ самъ можетъ сдѣлаться орудіемъ своихъ духовъ. Тогда его воздѣйствіе на нихъ ослабѣваетъ и онъ теряетъ свое значеніе въ качествѣ врачевателя и охранителя рода, такъ какъ духи, не подчиняясь шаману, начинаютъ приносить безпокойство или даже вредъ людямъ. Въ этомъ случаѣ шаманъ либо отказывается фастически отъ своихъ обязанностей и въ постоянно тяжеломъ психическомъ состояніи упорно ведетъ борьбу съ угнетающими его духами, либо онъ совершенно погибаетъ, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ передаетъ свои функціи другимъ шаманамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи по отношенію къ остальнымъ людямъ рода на особомъ положеніи и вызывая къ себѣ осторожное и даже иногда враждебное отношеніе, *шаманъ въ личной*

жизни испытываетъ чрезвычайныя осложненія, которыя дѣлаютъ ее родомъ подвижничества.

8) Шаманство у тунгусовъ, имѣя сферою воздѣйствія своего преимущественно психическія и нервныя заболѣванія во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, не является религіей въ обычномъ смыслѣ этого слова. Оно мирится съ любой религіозной системой, его возможно примирить съ любой системой знаній и съ любымъ анимистическимъ міросозерцаніемъ. Шаманство лежитъ въ совершенно иной плоскости и для возможности существованія его необходимо только признаніе возможности со стороны шамана воздѣйствія на людей особыми, для людей таинственными и неповторимыми путями. Цѣлью такого воздѣйствія является регулированіе психической сферы людей, имѣющей громаднѣйшее біологическое значеніе. Въ цивилизованномъ обществѣ функции шамана покрываются только частично и разными способами, регулирующаго же аппарата замѣняющаго шамана и спеціальныхъ людей для этого не имѣется. *Ученіе о духахъ и отношенія ихъ къ людямъ и т. д.* является лишь формою, въ которую укладываются въ сознаніи шаманиста явленія психической и психопатологической жизни народовъ, а шаманы и шаманство являются органами и системой, регулирующими эти явленія и играющими въ области психической жизни народовъ преимущественно санитарно-предохранительную роль.

LIBRARY

